

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

В далекой российской
глуши, в разрушенной
деревеньке, оставшиеся
староверы – раскольники,
или, как их еще называют,
«вечные странники»,
сохранили уникальное
бесценное сокровище,
стоимость которого
невозможно определить...

Елена АРСЕНЬЕВА

Клад вечных странников

Артефакт & Детектив

Елена Арсеньева

Клад вечных странников

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Клад вечных странников / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2016 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-86271-9

В российской глуши еще сохранились древние религиозные скиты, построенные в свое время староверами, бежавшими от засилья официальной православной доктрины. Вечные странники проводили почти всю свою жизнь в молитвах и покаянии, но перед смертью они обязаны были передать своему преемнику важные знания о местонахождении уникального клада... Поиски сокровищ старообрядцев, спрятанных в древнем скиту, который теперь стал бандитской малиной, свели вместе совершенно разных людей – нежную красавицу Ирину, фольклориста с замашками спецназовца Сергея и странного винодела Павла. Все они явно были не теми, кем хотели казаться. И только внезапно начавшийся лесной пожар и последовавший за ним тропический ливень помогли Ирине увидеть истинные лица товарищей по несчастью, до поры до времени сохранив при этом свое инкогнито...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86271-9

© Арсеньева Е. А., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	44
-----------------------------------	----

Елена Арсеньева

Клад вечных странников

© Арсеньева Е. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Около пяти часов вечера в магазин «Сириус», что на привокзальной площади села Арень, вошла молодая женщина и спросила продавщицу, когда пойдет автобус на Вышние Осьмаки.

Продавщица с натугой грохнула на прилавок ящик с пивными бутылками и вытаращила глаза.

Перед ней стояло воистину странное создание, не иначе, свалившееся в Арень с этого самого Сириуса: в платье, которое казалось нарисованным прямо на худеньком теле, с прической из локонов цвета бледного северного золота, с огромными дымчато-серыми глазами в обрамлении шикарных ресниц – и лицом воистину неземной красоты. А главное, только пришелица со звезд могла интересоваться автобусом на Вышние Осьмаки!

– Христос с тобой, подруга, – отмахнулась продавщица, затаривая пивом облезлую клеенчатую сумку, которую ей протягивал дедок в мутной рубахе и рваных тренировочных штанах. – Какой автобус? До каких Осьмаков? Впервые слышу!

– Да ты шо, Люська? – прошамкал дедок. – Да это же деревня у болота, рядом с которой какие-то авторитеты обосновались в староверском скиту.

– А, ну да! – вспомнила продавщица. – Точно, это ж Осьмаки и есть. Полста кэмэ отсюда. Но в той деревне живут полторы старухи да старик какой-то, а остальные разъехались. И автобусы туда не ходят. Только пешочком и дойдешь.

Красавица опустила взор. Она была обута в немыслимое сплетение ремешков, охватывающих божественные ножки чуть не до колена. Ремешки крепились к двенадцатисантиметровым каблукам.

– М-да... – вздохнул дедок. – Маловато у тебя обувки для нашей местности! Тут вишь, как народ ходит? – Он лихо задрал скрюченную конечность, всунутую в болотный сапог.

– Что же делать?! – всхлипнула красавица. – Мне обязательно нужно в Вышние Осьмаки!

– Не повезло, – посочувствовал старикан. – Главное дело, сегодня аж три попутки туда было. Мы с мужиками сидим себе за околицей, глядь – трюхает «уазик». Тормознул рядом с нами, высунулся парень, кудрявый весь из себя, и спрашивает, как на Осьмаки проехать. Мы ему объяснили, он нам дал на пиво за совет – и упылил. Вскорости едет могучий такой джипяра. И ему Осьмаки понадобились! Тоже не пожадничал. Я уже наострился было в магазин, как вдруг несется аж «Мерседес»! И около нас притормаживает. Ну, мы тут орем в три глотки: «На Вышние Осьмаки поворот направо, по заброшенной дороге!» Думали, из окошка веером денежки полетят, а он, «Мерседес», гад такой, дал газу – и только ручкой помахал.

– А может, и мне пойти подождать за околицу? – с надеждой спросила красавица. – Вдруг еще кто-нибудь проедет и дорогу спросит?

Дедок осторожно поволол с прилавка сумку с бутылками:

– Это навряд ли. Удача – она до трех разов ходит, да и то на третьем, вишь, спотыкается. Еще год сидеть можно, а не дождешься, чтоб проехал кто. Тем более на Осьмаки!

– Кому тут на Осьмаки? – вдруг раздался громовой голос, и дедок от неожиданности выпустил свой ценный груз. Однако в то же мгновение откуда-то протянулась могучая ручища

и поймала сумку в сантиметре над бетонным полом, встреча с которым, конечно же, кончилось бы плачевно для ее хрупкого содержимого.

– Держи, дедуля! – Сумка полетела к хозяину, которого аж зашатало. – А ты, тетенька, живенько брось мне пару ящичков «Нижегородской». Сдачи не надо.

Из разлапистой руки посыпались купюры, на которые продавщица налетела коршуном и успела сгрести их под прилавок прежде, чем чей-нибудь острый глаз мог хотя бы прикинуть сумму этой самой ненужной сдачи.

– Так кому в Осьмаки? – повторил щедрый покупатель.

– Мне! – пискнула красавица – и онемела.

Если правду говорят, будто человек произошел от обезьяны, то в магазине стояло живое подтверждение теории дарвинизма. Причем, судя по всему, процесс завершился буквально вот-вот, еще волосняные покровы сойти не успели. Могучие клубки мышц, глыбы плеч, шея в два обхвата, плавно сужающаяся к макушке, – ну сущая горилла! Правда, голова оказалась уже вполне человеческая: белобрысая, бритая, – и лицо было бы даже симпатичное, когда б не портил его косо срезанный подбородок.

Голубые глаза вновь образованного гомо сапиенс расширились при взгляде на стройную фигуру и немислимые ноги красавицы.

– Мать твою... – выразил он свое неподдельное восхищение и воздел кулачище с зажатой в нем пачкой купюр. – Шампанского даме!

Продавщица метнула на прилавок чернo-серебристую бутылку.

– Да что ты мне даешь? – рявкнул покупатель. – Ящик волоки! Ящик шампанского!

Продавщица, спотыкаясь, зарысила в подсобку.

Горилла одним махом содрала фольгу, отвинтила проволоку и тычком по дну вышибла пробку.

Девушка отпрянула, пыталась спастись от пенистой струи, хлынувшей из бутылки, словно из огнетушителя.

Подтверждение теории Дарвина с неподдельным восторгом наблюдало за грациозными движениями ее изящного тела.

Убедившись, что ни одежде, ни прическе не принесено урону, красавица подняла на гориллу дивные очи:

– В Вышние Осьмаки не подвезете?

– Подвезу, – хрипло выдохнул новенький гомо сапиенс. – Хоть на край света подвезу!

Продавщица с грохотом проволокла по полу ящик.

Галантная горилла выхватила еще одно шампанское, выбила пробку столь же замечательным способом и звонко чокнулась с бутылкой, которую держала девушка:

– Со знакомством! Виталья меня зовут. А тебя?

– Ирина... Ирина Бурмистрова.

– Иринка, значит, – ласково уточнил Виталья. – Красивое имя! А ты вообще отпад!

Вслед за этим Виталья рассовал бутылки шампанского по карманам необъятных шортов, заграбастал каждой ручищей по ящичку водки и скомандовал:

– На выход!

Ирина потащила за ним, будто во сне. Ей уже давно казалось, что с ней происходит нечто нереальное, ну а сейчас это ощущение усугубилось.

Виталья *так* на нее смотрел... Вообще-то сегодня с самого утра все мужчины смотрели на нее именно *так*. И, надо признать, это доставляло ей удовольствие. Но все же с обочин сознания нет-нет да и кукарекала ехидненькая мыслишка: «Что ты о себе возомнила, интересно?! Они, дураки, ничего не знают, но ты-то, ты... Кому голову морочишь?!»

Ирина запуталась на ступеньках в своих каблучищах и влетела напрямик в объятия Витали, который уже запихал ящики в багажник огромного серебряно сверкающего автомобиля и даже избавился от бутылок.

– Ух ты какая тоненькая! – пробормотал Виталия. – Хоть узлом тебя завяжи. Прямо змейка! А ты, между прочим, змеев боишься?

– Не змеев, а змей, – уточнила девушка с видом человека, привыкшего исправлять речевые ошибки ближних своих, но тут же испугалась: – А что, тут водятся змеи?!

– Одного я своими глазами видел час назад, – хохотнул Виталия. – Садись. А ну, красивая, поехали кататься!

Ирина забралась на переднее сиденье и попыталась натянуть юбку на колени. С тем же успехом Ева могла проделывать это со своим фиговым листком.

Миг – и поселок остался позади, а к дороге с обеих сторон подступили сосны.

Ирина смотрела на бегущую под колеса дорогу – и недоверчиво качала головой.

Вчера! Неужели все это началось только вчера?! Сутки назад?! Впервые слова: «Чудилось, целая жизнь прошла с тех пор!» показались ей не банальностью, а истиной...

– Ты работаешь-то где? – спросил между тем Виталия, выныривая из глубокой колдобины, залегшей на пути, как тайный враг. Впрочем, следует сказать, что на всей дороге таились такие «враги». От асфальта осталось только жалкое крошево по обочинам, и если бы не высокие колеса и мощные рессоры авто, поездка превратилась бы в нечто зубодробительное и скуловоротное. А так седоков лишь слегка подбрасывало на сиденьях.

– В областной библиотеке, – сказала Ирина. – В отделе редких фондов.

– А в Осьмаки зачем? К родне?

Ирина ругательски ругала себя за откровенность. Вот уж воистину: простота хуже воровства! Надо было все три часа в электричке не отражением своим любоваться в оконном стекле, а легенду сочинять. И вдруг ее осенило:

– В командировку еду. Деревня хоть и заброшена теперь, но, по слухам, осталась нетронутой сельская библиотека. А в ней были очень ценные экземпляры старых книг. Здесь места староверские, вдруг сохранились, к примеру, неправленные Библии, ну, еще до раскола изданные, это ведь настоящий клад...

Стоп! Ирина заставила себя в буквальном смысле прикусить язык и сморщилась от боли и злости. Дура болтливая!

Сосняк, плотной стеной стоявший вдоль дороги, внезапно поредел, а потом и вовсе разошелся, и впереди показалась небольшая деревня. У въезда стоял столбик с табличкой, однако разобрать на ней хоть слово оказалось невозможно: железо все было изорвано дырами, словно кто-то тыкал туда железным острым пальцем.

– Что это?

– Да ну, чепуха! – ухмыльнулся Виталия. – Мы со Змеем тут позавчера тренировались в стрельбе из автоматического оружия.

Ирина испуганно моргнула:

– Со змеем?.. Но разве они умеют стрелять?

– Не знаю, как насчет остальных, а этот очень даже умеет! – сообщил Виталия. – Обставил меня на пару ящиков, гад ползучий. Везу ему свой проигрыш. Но это даже к лучшему, ведь иначе я б не встретил тебя. Сейчас приедем, выпьем со знакомством...

Ирина снова попыталась натянуть свой фиговый листок на колени: ее зазнобило от страха.

Еще не хватало по гостям разъезжать, да еще с каким-то Змеем пить! Может быть, ей и удалось опередить тех, кто преследует ее, но надолго ли? Времени терять нельзя!

И вдруг на обочине мелькнула табличка с перечеркнутой красными буквами надписью: «Вышние Осьмаки».

«То есть как это? – растерянно оглянулась Ирина. – Знак, что Осьмаки кончились, есть, а что они начинались – нет?»

И тут до нее дошло, что тот самый изрешеченный пулями кусок железа, болтавшийся на столбе, и был названием деревни! Выходит, Виталя отлично знал, что они уже в Осьмаках? Знал – и не сказал?!

– Остановите, остановите, – забормотала она, хватаясь за ручку двери. – Я уже приехала, я уже сойду.

– Да ладно-ка! – вальяжно пробасил Виталя. – Чего тебе тут делать, на этом кладбище? Пыль книжную глотать? Это для легких вредно! Поехали лучше к нам на базу. Тебе полезно на природе пожить, вон ты какая бледненькая.

– Здесь тоже природа! – взвизгнула Ирина, изо всех сил дергая ручку, но та не поддавалась ее усилиям.

– Не дергай, – мягко посоветовал Виталя. – Здесь система «четыре-один». Один замок сломаешь – все из строя выйдут. Тогда придется нам с тобой тут жить всегда. Хотя почему бы нет? Выпить есть чего, спать есть где.

Он нажал на какую-то кнопку, и спинка Иринино сиденья внезапно откинулась, так что девушка оказалась простертой плашмя.

– Нет, здесь очень даже можно жить... половой жизнью, – хохотнул Виталя.

Ирина мгновенно вышла из ступора и взвилась над сиденьем так, что макушкой врезалась в потолок. Замолотила кулаками в стекло, но оно не поддавалось. И безлюдье, такое безлюдье кругом! Мелькнула на обочине деваха в красном сарафане; рядом лениво брела корова, которую деваха то и дело подхлестывала прутом.

Корова вскинула голову, встретившись с безумным Ирининым взглядом своими огромными безмятежными глазами. И у девахи были точно такие же сонные, равнодушные глаза...

– Лежать! – скомандовал Виталя, хватая Ирину за волосы и опрокидывая на сиденье. – Ну чего ты колотишься, не пойму, нас же там всего двое! Лежи! А то ты меня так возбуждаешь, что уже сидеть больно. Еще раз дернешься – и я... Вот так, умница, – хохотнул одобрительно. – Хорошая девочка, лежи тихо!

Ирина лежала тихо. А что еще оставалось делать?

* * *

Из старых писем:

«Здравствуйте, моя любимая жена Асенька, родные дети Володя и Машенька!

Не пугайтесь, получив письмо, написанное чужим почерком. В последнем бою меня ранило в правое плечо, оттого не в силах я сам держать карандаш, пишут за меня добрые люди.

Спешу сообщить, что жив и здоров, насколько позволяет моя рана. Поначалу боялся, что руку отнимут, но доктор сказал, вроде бы обойдется дело. Не иначе, твоими молитвами и горячими слезами, дорогая Асенька, начал я выздоравливать.

Хотя не всякому так повезло, как мне. Вот на соседней койке позавчера умер один человек... А знаешь, кто это был? Ни за что не угадаешь! Наш сосед со старого двора – ну, тот самый, у которого дед себе домовину при жизни выстругал. Вспомнила?

Много он чего понарасказывал про себя, я мало чему верил, но поскольку здешний особист разговаривал с ним по-человечески, значит, не так уж он и врал. Выходит, и правда искупил свою вину кровью и, если бы выжил, вернулся бы в строй уже как человек. Только,

беда, не выздоровел он. Ты, Асенька, сходи к Анне Ивановне и покажи это письмо. Небось через военкомат известят ее, а ну как нет? Он же, помирая, все просил, чтоб я непременно известил о его кончине мать. И чтобы ей передал: надо, мол, достать из-под порога какой-то черный гроб (сестренка его Тонечка якобы знает, где он лежит), а открыть нужно позвать деда из Вышиних Осьмаков. Конечно, сосед при этих словах уже заговаривался предсмертно, потому что дедушка его давным-давно сгинул из дому неведомо куда и, конечно, уже помер. Да и разве может под порогом находиться гроб?! Однако я перечить ему не стал и обещал, что все передам досконально. Ты, Асенька, не ленись, сходи к Анне Ивановне, буде она еще жива, а то, может, не перенесла того горя, какое сын ей принес. Но он клялся, умирая, что ни в чем не был виновен и оговорили его злые люди. Ну, земля ему пухом...

Девушка, что пишет за меня это письмо, работает на швейной фабрике. Она была при кончине нашего прежнего знакомого, она ему и глаза прикрыла. Ее зовут Клава Кособродова, душа у нее добрая, а почерк разборчивый, не то что у меня, так что надеюсь крепко: каждое слово ты в моем письме разберешь и поймешь правильно.

Целую вас крепко, любимая моя жена Асенька, родные дети Володя и Машенька. Желаю вам быть здоровыми и ждать меня терпеливо, а я вернусь домой непременно, как только разобьем фашистского зверя в его логове.

Ваш муж и отец Василий Дворецкий».

* * *

Прошлое

Девчонка плакала на остановке.

Плотная, широкоплечая, круглощекая, с разноцветными перышками волос, она то стискивала руки на груди, то бросалась вперед и начинала стучать в стекло маршрутки.

– Позвони мне! – кричала она. – Позвони, ну пожалуйста! – И вдруг: – Я тебя люблю! Люблю!

Люди, стоявшие на остановке, пялились на нее во все глаза; шофер тоже поглядывал в зеркальце заднего вида, но не трогался с места. Он хотел, чтобы полупустая маршрутка заполнилась. И ему было все равно, что человек, которому адресовались признания, явно мечтает провалиться сквозь землю.

На него оглядывались. Кто-то понимающе вздыхал, кто-то откровенно ухмылялся.

Катерина не удержалась и оглянулась тоже. Ладненький, хорошенький парнишка, сидевший на заднем сиденье, то натянуто улыбался своей неистовой подружке, то раздраженно махал через стекло: уходи, мол! – но девчонка или не понимала, или просто не в силах была уйти.

– Позвони, ну пожалуйста! – кричала она сорванным голосом, тиская на груди футболку.

– Пьяная, что ли? – громко сказала какая-то женщина.

Дверцы маршрутки наконец-то закрылись, и Катерина услышала, как парнишка испустил вздох нескрываемого облегчения.

Девчонка бессильно уронила руки.

– Я же люблю тебя! – отчаянно выкрикнула она и вдруг ударила себя по щекам – сильно, с размаху. Сперва по одной, потом по другой.

Маршрутка резко взяла с места, словно испугалась.

Катерина отвернулась.

Она смотрела в окно, но ничего не видела, кроме пухлых короткопалых ладоней, которые били по тугим щекам.

За что она себя так? Почему любовь заставила ее возненавидеть свое лицо? Ну да, она понимает, что не нравится, не может понравиться этому тихому хорошенькому парнишке. Она избивала себя за то, что не уродилась какой-нибудь длинноногой изящной блондинкой, а значит, этот парнишка никогда, никогда...

Маршрутка бодро промчалась по опустевшей улице, но не успела проскочить светофор и рывком затормозила. Прямо напротив Катерины образовалось огромное лицо, от которого она испуганно отшатнулась, не сразу сообразив, что видит перед собой рекламный плакат.

Лицо на плакате было разделено на две половинки: одна – довольно уродливая, а вторая – неопишуемой красоты. Многоцветная надпись просто-таки кричала о сети косметических салонов «Аллюр», где обладательница любой внешности могла бы из дурнушки стать несусветной красавицей с помощью каких-то селеностероидов, выращенных на космической станции «Мир».

Интересно, видела этот плакат та девочка, что, наверное, все еще плачет на остановке? Да если даже и видела! Такие превращения по карману небось только супругам мэров и губернаторов. Или женам олигархов. Хотя олигархи и так женятся исключительно на красавицах, которым не нужны никакие селеностероиды!

С другой стороны, не родись красивой, а родись счастливой. А счастье – это любовь...

Некрасивым в любви не везет, это Катерина отлично знала, потому что и сама была некрасивой.

Маршрутка промчалась мимо ярмарки, свернула на мост, потом на набережную – и картина заката, ранее скрытого высокими домами, вдруг открылась во всей красе. Солнце уже ушло в воду, виднелся только ярко-золотистый край, и это сияние размывалось серо-лиловой полосой, а выше сгущалось немыслимо малиновым цветом, бросавшим яркие отсветы на темнеющие с каждой минутой облака. К востоку их уже не было, там небо казалось лазурно-прозрачным, как дорогой шелк.

После пасмурного дня этот немыслимый закат казался внезапным подарком. Кому?..

«Да уж точно не мне», – уныло подумала Катерина.

И, словно подтверждая это, автобус резко повернул от Волги. Закат исчез из глаз, и пока автобус медленно тащился в гору, забираясь на площадь Минина, пока ехал по улице того же названия, а потом выруливал на Сенную, небо померкло, и, когда Катерина вышла на своей остановке, оно было уже самым обыкновенным, тускло-серым, сумеречным.

Катерина миновала продуктовый магазин, у крыльца которого топтались трое парней. Свернула во двор и пошла к своему крыльцу.

За ее спиной зазвучали шаги. Эхо, что ли?

Катерина покосилась через плечо. Нет, не эхо: те трое шли за ней. Она торопливо отомкнула дверь подъезда своим ключом, проскользнула внутрь, захлопнула дверь, перевела дух и начала подниматься.

Однако дверь снова открылась.

Ключи есть только у своих. Наверное, это квартиранты с третьего этажа. Там постоянно меняются квартиранты, всех не упомнишь!

«Квартиранты» промчались вверх по лестнице, даже не взглянув на Катерину. Да и она не больно-то на них смотрела, отметила только, что один из них нахлобучил какую-то нелепую каскетку с огромным козырьком.

Дошла до второго этажа, достала из сумки ключ, вставила в скважину своей двери, но в это самое время что-то сильно, больно уткнулось ей под ребро, и незнакомый голос пробормотал:

– Открывай быстро, не дергайся.

Катерина замерла.

Те трое стояли рядом, взяв Катерину в тесное кольцо, буквально прижавшись к ней. Да это никакие не квартиранты! Это грабители!

– Крикнешь – застрелю, – раздалось над ухом. – Соседи не прибегут, не надейся: пистолет с глушителем.

Голос был ровный, спокойный, в нем не звучало ни полтона угрозы, однако Катерина поверила сразу.

Один замок, другой – дверь открылась, и торопливое пиканье встретило их на пороге.

– Сигнализация! – выдохнул кто-то встревоженно, однако пальцы, вцепившиеся в локоть Катерины, не разжались.

– Отключи! – раздался спокойный приказ, и она послушно нажала на четыре кнопки.

Наступила тишина.

– Заходите, быстро! – велел голос, принадлежавший, как сообразила Катерина, главному в этой компании.

Катерина покосилась на него и ахнула. У этого человека не было лица!

Миновало мгновение дикого страха, прежде чем она поняла, что у грабителя не содрана вся кожа с головы, а просто на нее напаян светлый капроновый чулок.

– Погодите, – выдохнула Катерина, хватаясь за косяк. – Мне плохо, меня сейчас...

Она не договорила, зажала рукой рот и рванулась в туалет.

«Чулок» шагнул было следом, но тотчас брезгливо скривился и отпрянул:

– Блюёт. Эй, присмотрите за ней, а я тут займусь.

Катерина спустила воду, выпрямилась, вытирая дрожащие губы.

Смуглый парень стоял в дверях и мерил ее взглядом.

Она снова покачнулась и оперлась на стиральную машинку. Туалет в ее квартире был совмещенным с ванной.

– Пожалуйста, выйдите на минуточку, – пролепетала Катерина, не слыша своего голоса за шумом набегающей в бачок воды. – Мне... у меня что-то с желудком, мне надо... – Она махнула на унитаз.

Лицо смуглого искривилось, он брезгливо отшатнулся в коридор:

– Медвежья болезнь? Давай быстро! А то, когда пристрелим, будешь в дерьме лежать. Некрасиво!

И захохотал, выходя.

Катерина закрыла дверь на защелку и припала к ней лбом. Ей казалось, будто она бумажная кукла, так подгибались ноги и тряслись руки. Но пришлось все-таки найти силы, чтобы обхватить стиральную машинку и с силой сдвинуть ее с места, подперев дверь. В жизни не поверила бы, что сможет своротить эту махину! Какое счастье, что дверь в ванную открывается внутрь, это всегда было жутко неудобно, Катерина постоянно мечтала перевесить дверь, но, конечно, так ничего и не вымечтала. И слава богу!

На стиральную машинку она взгромоздила все тазы, и ведро для мытья полов, и вешалку для полотенец, и сами полотенца, и вообще все, что нашлось в ванной. Уперла швабру в косяк и в противоположную стенку. Прислушалась к возмущенному воплю, раздававшемуся в прихожей, и прыгнула в ванну. Всем телом, всем лицом втиснулась в ледяную белую эмаль, – и замерла.

Кто-то из грабителей бился в дверь изо всех сил, но машинка была широкая, она перекрывала косяк и блокировала задвижку. Конечно, если навалятся все вместе... если успеют навалиться...

«Раз, два, три... десять, пятнадцать... тридцать, – считала Катерина секунды. – Господи, ну что так долго, мы в квартире уже не меньше семи минут, а тревожной группы все нет! Я ведь нажала кнопки «вызова под принуждением»! Они ведь должны понять, что меня заставили!»

Звонок! Звонок во входную дверь! Обычно он был еле слышен, но сейчас Катерине показалось, будто зазвенело прямо в ее голове. Вся ванна от этого звона заходила ходуном. Опять звонят. И еще раз, еще.

Катерина зажмурилась.

Это не звонок. Это стреляют через дверь, а пули попадают в ванну.

А вот целая очередь! У них что, и автомат есть, а не только пистолет с глушителем?!

И вдруг настала тишина. А потом снова очередь... Нет, не очередь, а непрерывная трель дверного звонка.

Полиция все-таки приехала!

Мгновение тишины...

– Ну, ты меня еще вспомнишь!

Голос долетел до нее – ледяной, мертвенно-спокойный, словно выдох из могилы. А потом – топот, звон, треск, крики!

* * *

Ирина никогда в жизни не видела староверских скитов, разве что в каком-то фильме по Мельникову-Печерскому, однако, лишь взглянув на это мрачное строение, темное от времени, с крестом, прибитым на уровне второго этажа, она сразу поняла: точно, скит!

Раньше она думала, что самым трудным будет отыскать это место и войти внутрь, но, похоже, куда труднее будет выбраться отсюда и избавиться от Витали и... и от этого ходячего ужаса!

Сцепив руки на груди, расширив глаза, чувствуя, как холодеет лицо, она заворуженно смотрела на высокую мужскую фигуру, возникшую в воротах.

Сказать, что этот человек в ворота вышел, можно было лишь условно, настолько гибки, текучи, неуловимы были его движения. Сказать, что выполз, – как-то неловко: ведь он перемещался на двух вполне нормальных нижних конечностях. И все-таки ассоциация с движениями пресмыкающегося была полной. Вдобавок он оказался невероятно худ, узкоплеч, с маленькой черноволосой, коротко стриженной головой, которая, вероятно, была слишком тяжела для длинной тонкой шеи и клонилась то влево, то вправо... точь-в-точь как голова змеи, ждущей добычу! И в довершение всего его тощие ноги облегали, как перчатка, узкие черные брюки из блестящей кожи.

Но и этого ему оказалось мало! Все его тощее тело от плеч до пояса было покрыто сплошным узором татуировки. Рисунки словно бы перетекали один в другой, подрагивая и шевелясь при каждом движении худого тела. Они казались ожившей чешуей, которая покрывала тело двуногого пресмыкающегося, и Ирина подумала, что назвать его можно было, конечно, только одним словом – Змей.

– Ух ты, какое чудо! – Как ни странно, Змей не шипел, не свистел, а разговаривал вполне человеческим голосом, разве что чрезмерно тонким, даже писклявым. – Только имей в виду, киска, больше 50 баксов за ночь я не даю. Да ты не переживай, – тут же успокоил он, заметив, как вздрогнула Ирина, – Виталия отвалит как минимум столько, так что свою сотку ты всяко заработаешь. Ну и за день положим тебе полсотни за хлопоты... хорошие деньги даже в Нижнем, а уж в этой дыре – тем более! Ну, пошли!

Змей открыл дверцу, которая почему-то мгновенно подчинилась ему, выволок Ирину из машины, окольцевал ее талию гибкой длинной ручищей и повлек за собой в дом, чуть приподнимая, когда ее ноги начинали путаться каблуками в высокой траве. Распахнул дверь, втащил девушку в просторный холл и выпустил из рук.

Очень кстати сзади оказалось кресло, в которое Ирина и рухнула, поскольку ноги ей по-прежнему не повиновались.

Откуда-то шло ровное, успокоительное тепло. Да это камин, в котором пылала преизрядная лесина! Даже в том состоянии, в каком она сейчас находилась, Ирина не могла не отметить нелепости этого сочетания: староверский угрюмый скит – и камин, сложенный из дикого камня. Конечно, здесь все переделано новыми хозяевами, для которых горит огонь в камине, разбросаны кругом ковры и в изобилии заставлен тарелками огромный круглый стол.

Ирина, у которой маковой росинки не было во рту со вчерашнего дня, почувствовала легкое головокружение от внезапно пробудившегося голода и с интересом уставилась на стол, на котором, казалось, не было только птичьего молока.

Змей то ли решил помочь Витале разгрузиться, то ли просто выполз по неведомой надобности. Оставшись одна, девушка сорвалась с кресла и очутилась около стола. Глаза разбежались, но все же она успела схватить два ломтика сыра и пласт копченого мяса и даже проглотить все это, прежде чем скрипнула, открываясь, дверь.

До кресла бежать было далеко; Ирина метнулась к камину и замерла, протянув к огню руки, делая вид, что греется, а сама в это время усиленно пыталась прожевать остатки сыра. При этом она чувствовала себя Васисуалием Лоханкиным, застигнутым над кастрюлей.

– Замерзла? – раздался оживленный голос Витали. – Ну ничего, мы со Змеем тебя согреем. Хочешь – прямо тут, у камина, на коврах?

Ирину передернуло. Сыр и мясо замесались в желудке в поисках выхода.

Вот странно, да? Жизнь прожила в убеждении, что переизбыток мужского внимания – это все, о чем может мечтать женщина, а оказавшись объектом повышенного сексуального интереса двух мужиков, только и мечтает, что избавиться от них!

Ирина обернулась и увидела, что Виталья и Змей выставляют на стол все звенящее и булькающее содержимое водочных ящиков, а также бутылки шампанского. И ее пронзил приступ нового страха: не может же быть, чтобы все это намерены выпить Виталья со Змеем! Наверняка сюда заявятся еще какие-то братья-разбойники, ведь нет никаких сомнений, что она попала в разбойничий притон! И что эти братья-разбойники с ней сделают?..

Надо выбираться отсюда, и поскорее!

– Ребята, а вы очень проголодались? – удалось выдать ей.

– Это в каком же смысле? – похотливо промурлыкал Виталья, и Ирина вдруг перестала бояться.

Этот Виталья, такое ощущение, не живой человек, а персонаж, сошедший со страниц плохого романа об этих, как их там... отморозках. А если он впрямь такой, каким отморозков рисуют книжки, значит, туп и несообразителен. Со Змеем будет, наверное, сложнее управиться, но следует помнить, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Всякого мужчины! И вряд ли эти двое являются счастливым исключением.

– Терпеть не могу сухомятку... – начала Ирина, но Змей перебил:

– Да мы тебя подмажем! Виталья, где у нас крем из того секс-шопа?

Он похотливо заржал, и Ирина чуть не разрыдалась. Только яростное нежелание испытать на себе действие «крема из секс-шопа» заставило продолжать игру.

– Я имею в виду, – отчеканила она, – что хотела бы съесть какое-нибудь горячее блюдо, например, жаркое, да и вы, наверное, не отказались бы от нормальной еды. У вас есть что-нибудь в холодильнике, мясо какое-нибудь? Я отлично готовлю, через пятнадцать минут угощу потрясающими отбивными.

Змей взглянул с неподдельным интересом:

– Горяченького покушать, говоришь? А ведь это мысль! Виталья, а ну, волоки все, что у нас есть!

– Давайте лучше я сама посмотрю, – с невинными глазами вызвалась Ирина.

Виталья нескрываясь обрадовался:

– Пошли! Я тебя провожу. А потом помогу на кухне.

– Только давайте там быстренько, – буркнул Змей, придвигая к столу одно из кресел и начиная с неимоверной быстротой метать себе в рот содержимое тарелок. – А я покуда закушу маленько.

Почему-то Ирина надеялась, что Виталия выведет ее во двор, в летнюю кухню. Однако кухней оказалось соседнее с холлом помещение. Здесь стояли шкафы с посудой и плита, настолько залитая жиром и остатками еды, что прочесть марку оказалось невозможно, и такой же чумазный газовый баллон.

Кругом царил стойкий запах несвежей пищи: в так называемой кухне не оказалось ни одного окна, чтобы проветрить помещение... а также сбежать.

В это мгновение Виталия отшвырнул табурет и, наклонившись, дернул за толстое железное кольцо в полу. Отвалилась большая квадратная крышка, открылось мрачное пространство, веющее ледяным духом и освещенное тусклой лампочкой, подвешенной на стену.

Ирина отшатнулась.

– Да ты чего? – удивился Виталия. – Сама же хотела на продукты взглянуть. У нас тут движок хреновый, то потухнет, то погаснет, вот холодильник и загнулся. Теперь все в погребе храним. Навезли льда – и ничего! Все всегда свеженькое.

Виталия ловко спустился по земляным покатым ступеням и протянул руки откуда-то из непомерной глубины:

– Ну, иди сюда, не бойся!

Ирина с тоской оглянулась. Самое время захлопнуть крышку и дать деру... но куда? Окошка, как уже было подмечено, в кухне нет, а чтобы выскочить во двор, придется пробежать холл. Вряд ли Змей, чавканье которого слышно даже здесь, спокойно отнесется к ее попытке смыться!

Она неловко сползла на первую ступеньку, так и ощущая заинтересованный взгляд Витали, который, чудилось, мечтал во что бы то ни стало разглядеть, какого цвета у нее трусики.

Ужас в том, что разглядывать там было практически нечего. Чистая символика. А лифчика ей и вовсе не дали!

Ирина уже в который раз за сегодняшний день с отчаянием подумала, что, не иначе, она была утром под гипнозом, если позволила не только сотворить с собой *такое*, но и *так* себя одеть.

Наконец она утвердилось на плотно утоптанном земляном полу.

Даже в полумраке было видно, что лицо Витали не утратило исследовательского интереса. Чтобы отбить у него охоту пойти эмпирическим путем, Ирина торопливо засеменила на свет, деловито бормоча:

– Какой огромный погреб! Здесь, наверное, продуктов на целую армию может сохраниться! Запасливые люди были эти староверы!

– Ты будешь смеяться, – хохотнул Виталия, – но тут все было забито сундуками со всяким хламом и какими-то заплесневелыми книжками. Такое старье старое, сырое, вонючее, что его даже крысы жрать не стали.

Ирина споткнулась. Виталия тут же оказался рядом, заботливо подхватил под локоток:

– Да не бойся, в подвале крыс уже нет! Мы тут все мышьяком засыпали.

– А где теперь все те сундуки, те книги? – возбужденно спросила Ирина.

– Как это где? Сожгли, в натуре. Выволокли во двор и сожгли. Это барахло даже гореть поначалу не хотело. Пришлось облить бензином. Ох, и вонища тут стояла!

– Сожгли... – потерянно прошептала Ирина. – Неужели все сожгли?!

– А на хрен оно нужно? Понимаю, еще были бы иконы приличные, сейчас это, говорят, хороших денег стоит, а то одни доски черные. Не, чепуха все.

Вдруг голос Виталии интимно понизился:

– Слушай-ка, а ты типа сообразительная девочка оказалась! Я так и понял, что ты хочешь со мной с первым. Ну, давай по-быстрому, вот тут, у стенок.

Ирина в первую минуту даже не сообразила, что имеется в виду. Растерянно уставилась на Виталию, который проворно расстегивал джинсы, – и вдруг, пронзительно взвизгнув, метнулась к лестнице.

– Куда?! – изумленно вскрикнул Виталия, мгновенно догнав ее и поймав за платье. Тонкая ткань не выдержала и разошлась на спине. – Не пищи! – велел Виталия. – Тихо! А то Змей услышит!

– Уже, – слышался наверху писклявый голос, и Змей, вихляясь всем телом, сполз по ступенькам в подвал. – Уже услышал.

Он схватился за платье на Ириной груди и дернул так, что с тела девушки свалились два лоскута.

– Теперь хорошо. Сейчас я с этим бешеным конем разберусь – и начнем.

Змей укоризненно покачал головой, уставив на ошеломленного Виталию свои тусклые, немигающие глаза:

– Привез кусок для нас двоих, а сам норовишь отъесть украдкой? Нет, я такого не люблю. И не прощаю!

Разноцветное тело Змея метнулось вперед и обвилось вокруг Виталии, который качнулся, но все же и устоял. Создавшаяся скульптурная группа очень напоминала знаменитое изображение Лаокоона, окольцованного морскими чудовищами. Вся разница в том, что на сей раз борьба шла один на один, без участия Лаокооновых детей, да и вторая змея еще не выплыла на троянский берег.

Однако Ирина не стала ждать, когда это произойдет. Придерживая остатки платья, она взлетела по ступенькам и выскочила на деревянный покосившийся пол кухни. Метнулась было к двери, но тут же, спохватившись, вернулась, вцепилась в тяжеленную крышку и с натугой поволокла ее к люку. Одной рукой это было сделать совершенно невозможно, а другой она придерживала платье. Отбросила его, и дело сразу пошло лучше. Крышка легла в пазы, но слитный вопль, раздавшийся снизу, дал понять, что Змей и Виталия наконец-то опомнились.

Ирина вспомнила могучий загривок Виталии, его широченные плечи, клешнятые ручки – и поняла, что никакая преграда между ней и ее преследователями не будет чрезмерной. Как в лихорадке, принялась двигать стол, табуретки, тазы, громоздить на крышку люка.

Она сразу взмокла от усталости и страха, приостановилась дух перевести – и вдруг ее поразила странная тишина, царившая внизу. Почему-то никто не орал, не бился головой в крышку, не пытался ее своротить и выбраться из подвала.

«Может, они уже замерзли там? – подумала с робкой надеждой. – Хотя Виталия без ущерба для здоровья вполне перенесет полярную зиму, с его-то волосатой шкурой, а Змей – он же вообще холоднокровный...»

Да, в этой тишине было что-то пугающее. Ирина на цыпочках прокралась в холл и припала к окошку, выходящему во двор.

Ох, нет!

В поросшем травой бугорке откинулась дверца, и оттуда высунулись могучие плечи Виталии. Он подтянулся и выскочил, как пробка из бутылки. Следом, извиваясь всем телом, выползал Змей.

Ну конечно! У погреба оказался еще один выход!

Ирина бежала холл безумным взглядом. В камине полыхают дрова – не больно-то спрячешься! Под стол... за диван... Глупости. Нет ни одного укромного уголка, разве что под лестницей.

О! Лестница на второй этаж! Однако на втором-то этаже ее и будут искать первым делом – и поймут, конечно. И тогда... и тогда...

Ирина метнулась обратно в кухню, смела всю нагроможденную на крышке баррикаду, с силой, рожденной отчаянием, откинула люк – и вновь задвинула крышку над своей головой в то самое мгновение, как на крыльце затопал Виталья, оглашая окрестности возмущенным ревом:

– Ирка, сука! Попадись мне!

Ирина слетела с последней ступеньки и растянулась на стылом полу подвала. О господи, хоть бы Виталья оказался и на самом деле таким тупым, как с виду! О господи, хоть бы Змей оказался лишен кошмарной интуиции, присущей всем представителям его рода и вида! Хоть бы они не догадались, куда подевалась беглянка!

Она вскочила и обхватила руками голые плечи. Как здесь холодно! Но некогда дрожать! Надо немедленно найти выход во двор!

Где же он, где?

Что-то забрезжило справа, Ирина побежала туда, спотыкаясь. По глазам ударил яркий свет. Девушка рванулась к нему – и мгновенно выползла во двор, поросший высокой, давно не кошенной травой.

Не дожидаясь, пока ее бегство обнаружат, Ирина перелетела двор, с силой рванула засов, выскочила из калитки и кинулась было сгоряча в глубь леса, но тотчас поняла, что и двух шагов не пройдет на своих каблучицах по неровной земле, по бурелому. А пока разуеться, столько времени потеряет. Да и не факт, что босиком сможет бежать быстрее, вон какими иглами усыпано все под соснами. Вдобавок лес просматривается насквозь, лучше уж по дороге, вдруг какие-нибудь добрые люди...

Мысли скакали в голове в такт неровным прыжкам по ухабистой дороге. Боже мой, боже, помоги! Ведь и вчера, и ночью, и сегодня утром ты был на моей стороне, побудь же на ней еще немножко!

Нет, похоже, лимит везения исчерпан. Яростно-довольный вопль раздался за спиной. Ирина оглянулась, споткнулась при виде двух знакомых фигур, но все-таки удержала равновесие и зарысила вперед в последней отчаянной надежде на чудо.

Что это? Шум мотора?!

– Помогите! – пронзительно завопила Ирина, простирая вперед руки. – Спасите, люди добрые!

И замерла при виде автомобиля, выскочившего из-за поворота дороги, как хищный зверь.

Зверь, воистину – черный зверь с тупой мордой и непроницаемым взором зеркальных глазниц, с огромными шипастыми лапами, на которых он передвигается с жуткой, фантастической скоростью. Нет, на таких автомобилях добрые люди не ездят...

Да это же братки Витали и Змея, отморозки, бандиты!

Захлопали дверцы, высокий парень с угрожающим выражением лица выпрыгнул на дорогу, за ним другой, с таким же видом, потом третий...

Ирина метнулась на обочину, вознамерившись снова бежать в лес, но тут же запуталась в собственных ногах и упала на колени, громко зарыдав от злости и бессилия.

Чьи-то руки схватили ее за плечи, рывком подняли:

– Ф-фу, стыдобища! Прикройся!

Зеленые глаза укоризненно блеснули у самого ее лица.

Ирина машинально приняла что-то в руки, взглянула. Это был головной платок – белый, ситцевый, в маленький горошек.

Понадобилось немалое напряжение мозга, чтобы Ирина поняла, зачем ей платок. Бог ты мой, она ведь голая по пояс! А следующее мыслительное усилие помогло сообразить, что протягивает ей платок та самая деваха в красном сарафане, которую Ирина совсем недавно видела за околицей Ельцовки в компании коровы.

Правда, на сей раз коровы рядом не было. Зато был черный зверь на колесах и три парня, которые с угрожающим видом двинулись... нет, совсем даже не к Ирине.

К Витале со Змеем!

* * *

Прошное

– Как вам это вообще в голову пришло?! Ведь такой риск!

Катерина устало пожала плечами. Этот вопрос ей за вечер задали раз шесть, не меньше. Сначала наряд, присланный из отдела охраны, – ее спасители. Потом опергруппа из райотдела полиции, вызванная разбираться с двумя схваченными грабителями. Теперь этот капитан в дежурке отделения, куда все, наконец, приехали.

Заглянул в дверь еще какой-то высокий парень, посмотрел с любопытством на Катерину, словно тоже хотел спросить: «Как вам это пришло в голову?!» – но ничего не спросил, только смешно взъерошил светлые волосы и исчез.

Катерина устало вздохнула:

– А что было делать? Если бы я не спряталась в ванне, они бы меня застрелили, только и всего.

В эту минуту в соседнюю комнату вошел человек. Кабинет был пуст, однако свет горел и окно было открыто настежь, несмотря на глухую ночь. Человек осуждающе покачал головой, подошел к окну и взялся за створки, но в это мгновение до него долетел разговор из соседнего кабинета, где тоже было отворено окно. И он начал прислушиваться.

– Ну, вообще-то задержанные не показывают, что шли на «мокруху», – сказал сержант, который привез Катерину. – Якобы тот, кто их нанял, просто заплатил им за участие, сказав: все, что сможете унести – ваше. И никаких разговоров о... Они, дескать, даже не знали, что у него пистолет при себе.

– Ну ты даешь, Асипов, ты даешь! – усмехнулся капитан. – Они тебе что, в расстрельной статье должны с порога сознаться? Сейчас наплетут, что впервые в жизни видели этого типа, а на самом деле...

– А знаете, очень может быть, – задумчиво перебила Катерина. – У меня тоже создалось такое впечатление, что они – случайная компания.

– Это почему ж вы так решили?

– Ну, например, те двое испугались, когда запищала сигнализация. А «чулок» или знал, что она есть, или предполагал. Если бы они работали сообща, он должен был их предупредить о сигнализации, верно?

Человек в соседней комнате задумчиво кивнул. Он вроде бы даже забыл, что собирался закрыть окно, потому что в два шага вернулся к двери, погасил свет и опять подошел к подоконнику. Более того, он сел, устроился поудобнее и принялся внимательно слушать.

– Ну, это так, психология, – отмахнулся капитан. – Хотя и не исключено... Во всяком случае, задержанные уперлись: мол, этот парень нанял их около стекляшки, наобещал золотые горы и реки, полные вина, и таким образом образовалась преступная группировка. Теперь такой вопрос, Екатерина Дмитриевна. Что конкретно они могли искать в вашей квартире?

– Представления не имею, – пожала плечами Катерина. – Я уже говорила вот... товарищу сержанту. – Она кивнула на Асипова. – У меня в самом деле нечего взять. Я живу очень просто, долларов дома не храню, да и рубли...

– Насчет рублей вообще интересно, – подхватил Асипов. – У гражданки Старостиной имелась сумма денег около пяти тысяч рублей, положенных в ящик тумбочки. Там же находились и документы: диплом об окончании вуза, паспорт, сертификат на приватизированную квартиру, еще некоторые бумаги, несколько фотографий на документы, какие-то письма. И в одном полиэтиленовом пакете со всем этим гражданка Старостина хранила деньги...

Капитан укоризненно покачал головой. Он явно не одобрял, что деньги, пусть и не самые большие, валялись у гражданки Старостиной, можно сказать, где попало.

– Грабитель явно искал что-то среди документов, – продолжал Асипов. – Нашел, не нашел, это нам неизвестно, хотя гражданка Старостина утверждает, что ничего не исчезло. Однако все документы он расшвырял как попало по комнате, и деньги тоже небрежно бросил в угол.

Человек, сидевший на подоконнике, задумчиво посмотрел на звезды, словно спрашивал их: что же искал «чулок» в квартире гражданки Старостиной? Звезды загадочно мигали.

– Загадочно, – пробормотал в эту минуту капитан. – И что, Екатерина Дмитриевна, в самом деле ничего не пропало?

– Говорю же, особо пропадать было нечему, – ответила та. – Рубли ему не понадобились, драгоценности все на мне, вот, колечко, цепочка и сережки, но их не тронули. Может, просто не успели. Другая бижутерия совсем дешевая. И документы все на месте. Насчет точного количества старых фотографий не скажу, но вряд ли этот «чулок» пришел, чтобы взять на память мои фотографии, верно?

«А почему бы и нет?» – подумал человек на подоконнике.

– Да, вы, наверное, правы, – согласился капитан, меряя взглядом Катерину.

Капитан совершенно не собирался обижать гражданку Старостину, просто сейчас, среди ночи, ему было не до тонкостей и деликатностей. Ну кому, скажите на милость, придет в голову врывать в квартиру, чтобы взять на память фотографию скучной, можно даже сказать, унылой женщины, которой можно дать и двадцать пять, и на десять лет больше, худой, бледной, а точнее, бесцветной, с гладкими русыми волосами, закрученными на затылке в куций узелок?

Гражданка Старостина Екатерина Дмитриевна не предпринимала ни малейших попыток как-то приукрасить себя, словно давно смирилась со своей заунывной внешностью.

«Голова у нее, конечно, работает: вон как обставила грабителей! – но мордашка... А может, ее и не волновало никогда, как она выглядит, есть ведь такие женщины, как их, синие чулки, что ли», – подумал капитан, который все-таки чувствовал, что ляпнул что-то не то.

Человек в соседней комнате зевнул.

– Хорошо, – подавив зевок, сказал капитан. – Вернемся к нашему фигуранту. Вы показываете: лицо закрыто чулком. Но этого мало. С такими показаниями мы далеко не уйдем. Все-таки были у него брови, нос, голова, у головы была какая-то форма, рост опять-таки был какой-то. Вы же видели всех троих около магазина, тогда на нем еще не было чулка. Хоть что-нибудь вы должны были зафиксировать в памяти! Прошу вас, сосредоточьтесь, Екатерина Дмитриевна.

Услышав этот вопрос, человек в соседней комнате даже чуть свесился с подоконника во двор, чтобы лучше слышать.

– Да я ведь его толком не видела, – тихо сказала Катерина. – Только каскетку его помню. Наверное, он очень обыкновенный, без особых примет. Бывают такие люди, вы знаете.

Капитан посмотрел на нее и кивнул: бывают, что и говорить!

– Он вел себя очень сдержанно, – продолжала Катерина. – Говорил приглушенным голосом. И даже после того, как стрелял в дверь ванной, после того, как понял, что все пропало и надо бежать, он угрожал мне все так же ровно, спокойно, мертвенно. Наверное, он очень редко выходит из себя и прекрасно контролирует ситуацию.

Она умолкла. Капитан несколько секунд смотрел на нее, ожидая продолжения, потом пожал плечами и разочарованно сказал:

– Ну, это, опять же, психология! Значит, доведись вам встретиться с этим парнем лицом к лицу, вы пройдете мимо и не узнаете его?

– Если лицом к лицу... – задумалась Катерина. – И если он опять будет говорить таким мертвым голосом...

Человек в соседней комнате закатил глаза, словно хотел сказать: «Ну, это уж чересчур. Слишком много если!»

– Хорошо. Сделаем фоторобот согласно показаниям задержанных, а вы посмотрите, может, что-то и добавите. Но это уже завтра, – сказал капитан. – Приходите часикам к двенадцати, займемся этим делом. А сейчас пора домой, спать.

Асипов громко зевнул, но тут же спохватился и прикрылся ладошкой.

– Спать? – испуганно спросила Катерина. – Я что, поеду домой? А если он вернется?

Человек в соседней комнате, сделавший движение спрыгнуть с подоконника, насторожился.

– Кто и зачем? – спросил капитан, и в его голосе впервые за все время прозвучали нотки раздражения.

– Ну, этот, «чулок», – робко подсказала Катерина. – Он, кажется, так и не нашел в моей квартире того, чего искал, но не просто же в гости он ко мне приходил, верно?

Асипов хихикнул.

Человек в соседней комнате слегка усмехнулся.

– Ну? – сердито сказал капитан.

– Ну и вдруг он ночью вернется?

– А вы ему что, откроете? – полюбопытствовал капитан с плохо скрываемым ехидством.

Хихикнули в ответ сразу трое: Асипов – искренне, человек за стенкой – презрительно, Катерина – нервно:

– А если он через балкон заберется?

– А вы балкон на ночь закройте, – посоветовал капитан. – Ну а сейчас, чтобы вы не волновались, вас отвезут на нашем транспорте, вон сержант вас проводит, осмотрит квартиру на всякий случай.

Асипов посмотрел по сторонам, словно искал, нет ли здесь какого другого сержанта, кроме него. И, не найдя никого, понурил голову.

– А вы что, думаете, он сейчас уже там, ждет меня? – испуганно спросила Катерина. – Господи! Ведь он оборвал сигнализацию, квартира не сдана на охрану!

– А вот это – плохо, гражданка Старостина, – сухо сообщил капитан. – Между прочим, на его месте я бы этим воспользовался.

Человек соскочил с подоконника и метнулся к двери. Он двигался очень быстро, но каждое его движение было бесшумным, как у рыси. Он успел выскочить за дверь и даже немного пробежал по коридору, когда из соседнего кабинета вышли Катерина, капитан и Асипов. Человек мгновенно сменил свои размашистые прыжки на неспешную, чуточку усталую походку, однако не выдержал и оглянулся. Смерил всех троих взглядом и повернул за угол, к лестнице, ведущей на первый этаж.

– Я его уже видела, – задумчиво сказала Катерина.

– Кого? – спросил Асипов, который спал на ходу.

Холл первого этажа был пуст, но сумеречная тишина длилась только мгновение. Распахнулась настежь дверь, и омоновец, ухмыляясь во весь рот, вогнал в отделение трех размалеванных девчат, одетых чисто условно, как дань приличию. На одной было вообще намотано только банное полотенце. Другая девушка горько, с подвывом плакала, держась за подбитый глаз. Вслед за девицами втащили, заломив ему руки за спину, огромного красивого парня, потом пинками препроводили еще нескольких...

Асипов по стеночке пробирался к выходу и сделал Катерине знак следовать за собой.

Капитана закрутила многоголосая человеческая волна. Катерина даже не успела проститься с ним, как дверь закрылась.

Они с Асиповым сели в полицейскую «Киа» и через несколько минут были около Катериного дома.

– Подожди меня, – сказал сержант шоферу. – Я сейчас, осмотрю квартиру – и назад поедем.

Асипов первым вошел в квартиру, пошарил по всем углам, даже под диван заглянул и удовлетворенно зевнул:

– Ну, я пошел. Спокойной ночи. – Взглянул на несчастное лицо хозяйки и замешкался: – Хотя... знаете что? Вы ведь все равно боитесь, да?

– Боюсь, – угрюмо призналась Катерина.

– Давайте сделаем так. Вы свет в комнате погасите, а на кухне пока не выключайте. Не полная темнота, не так страшно будет. А часика, к примеру, через два я нарочно заеду к вам проверить, как дела. Придумаем сигнал, просто на всякий случай. Ну... если вам станет совсем худо, вы включайте свет в комнате. Если же заснете и не захотите, чтобы я вас побеспокоил, погасите везде свет. Договорились?

Катерина задумчиво поскребла ногтем косяк, на который опиралась. Она подумала, что человек, мечтавший ее убить, может каким-то образом все-таки проникнуть в квартиру еще до истечения этих двух часов, сделать то, что хотел, и уйти, аккуратно выключив за собой свет.

Но она ничего не сказала Асипову. Кто его знает, может, он решит, что его долг – остаться караулить гражданку Старостину. Тогда еще и его убьют. Да и вообще...

– Ну, договорились? – пробормотал Асипов, зевая на разрыв рта и думая сейчас только о том, что успеет вздремнуть в машине, а потом найдет в отделении свободную каморку и хоть на час, хоть на полчаса прикемарит укладкой! – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – прошептала Катерина, запирая за ним дверь.

Потом она погасила люстру и в полутьме, при слабых отсветах из кухни, начала стелить постель.

* * *

Что-то пыхтело, кряхтело и звучно брякало за спиной, а также стучалось глухо. Топталось множество ног. Иногда земля вдруг начинала гудеть, словно от падения чего-то тяжелого.

Ирина все еще стояла на коленях, прижав к груди платочек, не в силах не только подняться, но и обернуться, посмотреть, что же там происходит, сзади. Что-то страшное, судя по разгоревшемуся лицу девахи в красном платье, которая топталась рядом, стиснув на груди руки и азартно блестя глазами.

Наконец взгляд ее снова упал на Ирину.

– Обезножела с перепугу, что ли? – спросила с брезгливой жалостью. – Давай помогу!

И, ловко ухватив под мышки, вздернула Ирину на ноги.

– Эх а-яй, ну и каблуки! – хмыкнула чуть ли не испуганно. – Как ты на этих ходулях хоть шаг сделала? А ну, повернись, платок завяжу.

Ирина только и могла, что тупо смотреть в ее яркие зеленые глаза, сиявшие на энергичном румянном лице.

Тогда деваха развернула ее, как тряпичную куклу, к себе спиной и ловко завязала концы платка между лопатками. Платок оказался не столь маленьким, каким казался, и спереди прикрыл не только грудь, живот, но и немножко бедра.

Потом деваха провела рукой по карману и отколола с изнанки преизрядную булавичу.

– Бабка дала, – пояснила деваха, шагнув за спину Ирины и стягивая нижние концы платка чуть ниже попы. – От сглазу. Ну, вот и все. Ты только садись покуда осторожнее: не дай бог расстегнется да вопьется – так заорешь...

И внезапно заорала сама:

– Петька! Сзади!

У Ирины от этого вопля, находящегося на пределе пронзительности, даже в глазах прояснилось. И она увидела, что темная кряхтящая масса, которая мечется по дороге, – это пять дерущихся человек.

Двое были ей знакомы – слишком хорошо знакомы! Виталя и Змей. Троих других она вроде бы тоже где-то видела.

Ну конечно, это они так своевременно прикатали на черном автомобиле. Спасители! Сейчас они измолотят этих ненавистных отморожков, в порошок их сотрут! Все-таки их трое, а тех гадов только двое! Так их, так!

Ирина всхлипнула от избытка чувств.

– Да ладно-ка, – покосилась деваха. – Чай, отобьются, ребята крепкие.

Оказалось, численное преимущество мало что давало спасителям. Виталя стоял неколбимой скалой. Вдобавок у этой скалы имелись мощные ручищи, которые мелькали, будто крылья ветряной мельницы при урагане. Их стремительные движения почти невозможно было уловить, однако то один, то другой нападающий отлетали на дорогу, мгновение валялись плашмя, оглушенные, потом, словно спохватившись, вскакивали и бросались вперед, чтобы снова нарваться либо на удар Витали, либо на неуловимый бросок Змея. А тот, чудилось, прошивал эту кучу-малу своим цветастым телом, будто иголкой с ниткой, предпочитая нападать сзади и бить по самым чувствительным местам, потому что оттуда, где появлялся Змей, то и дело слышались болезненные вскрикивания.

– Петька! Дай ему бодка! – снова заорала деваха.

Из переплетенья тел вырвалось одно, в серой рубаше, и, словно только и ждало подсказки, с силой ударило Змея в живот раскосмаченной русой головой.

Громко ахнув, Змей отлетел на несколько метров и, распростершись у самых колес автомобиля, остался недвижим.

– Маришка, в машину! – крикнул русоголовый, на миг блеснув такими же зелеными, как у девахи, глазами, и снова ринулся в гущу боя.

– Командует еще! – обиженно буркнула деваха, однако послушно двинулась к автомобилю, волоча за собой спотыкающуюся Ирину.

– Это ты, значит, Маришка? – догадалась та, когда обе девушки забрались внутрь и прилипли к стеклам.

– Ну, – кивнула деваха, не оборачиваясь. – А ты кто?

– Ка... Как мое имя, ты имеешь в виду?

– Ну, хоть имя скажи.

– Ирина. Ира.

– Иришка, значит. Маришка с Иришкой сидели в затишке, – проворчала деваха, втискиваясь носом в стекло и нетерпеливо теребя подол сарафана. – А мужички давали друг дружке тычки.

– Спасибо тебе, – пробормотала Ирина, только теперь осознав, кому обязана своим спасением. – Это ведь ты парней привела?

– Ну да, увидела, как тот слон тебя гнет, – и подняла на деревне крик. Ребята сразу схватились – и ходу.

– А говорят, там только старики да старухи...

– Старик, – уточнила Маришка. – Один старик на всю деревню, остальные пять бабок. А эти ребята буквально за час до тебя приехали по всяким делам. Я их и не знаю толком никого, кроме Петьки. Вроде бы вон тот, в синей майке, каратист, – Сергей, это его машина, а который в черном – Павел. Ну а в серой рубаше – Петруха.

Ирина добросовестно пыталась различить цвета, но черное, синее и серое пятна перемещались слишком быстро.

– У Петрухи глаза точь-в-точь как у тебя. Он твой брат? – спросила она, рассудив, что постороннего человека не станут называть уменьшительным именем. Маришка бросила на нее странный взгляд, потом снова отвернулась к окну:

– Друг брата.

А за окном продолжалась битва. Теперь соотношение сил было трое на одного, однако рыжеволосая скала по имени Виталя все еще казалась непоколебимой, несмотря на то, что каратист Сергей и крутился вокруг своей оси, и размахивал пяткой, и кричал пронзительным голосом. Скале все было нипочем, разве что нос у нее сделался расквашен и заплыли глаза. Однако и противники выглядели не лучше, а конца сражению не предвиделось... Вдобавок на земле началось какое-то шевеление, и Ирина с ужасом увидела, что оживает поверженный Змей.

Он поднялся сначала на четвереньки и какое-то время стоял так, ошеломленно мотая головой. Потом поднялся и шаткой походкой двинулся в бой, однако Ирина успела увидеть, как рука Змея скользнула в карман и выхватила оттуда что-то длинное, блестящее. Нож!

– Нож! – выдохнула Ирина.

– Нож! – завопила Маришка, ныряя рукой под сиденье, выдергивая оттуда монтировку, а затем вылетая из машины. – Петька! У него нож!

Сверкающая глазами, румяная от ярости, в красной, словно бы обагренной кровью одежде, она была сейчас похожа на какую-нибудь былинную девку-богатырку, а то и вовсе на валькирию Брунгильду.

Маришка сделала мощный взмах, готовая смести Змея с лица земли монтировкой, подобно тому, как хоккеист сметает шайбу со льда клюшкой, однако Петруха успел выхватить грозное оружие из слабых женских ручек и подсек Змея под коленки. Словно подломившись, тот грянулся оземь и вновь сделался неподвижен. Нож подлетел к ногам Петра, и тот азартно пнул его, да так, что просверк прочертил подлесок вдоль дороги и наконец исчез.

Эта мизансцена на какое-то мгновение отвлекла внимание основных боевых сил и дала Витале возможность передохнуть. Однако передыхал он очень своеобразным образом: не вытирал, к примеру, пот со лба, а сунул руку в карман и достал из широких штанин... нет, не нож, а пистолет.

Черный ствол нахально уставился на отпрянувших парней:

– А ну, девку сюда! Сами убирайтесь, пока я добрый. Ирка! К ноге!

Маришка громко ахнула.

Ирине почудилось, будто сердце сжалось маленьким ледяным комочком.

– По-моему, силы равны, – долетел до нее задыхающийся голос.

Маришка ахнула снова.

Ирина решила открыть один глаз, но как-то так получилось, что распахнулись оба – изумленно. Сергей тоже держал пистолет! Другой рукой он приподнимал голову Змея, к виску которого и был приткнут ствол:

– Уходи, а то... Считаю до трех, потом щелкну твоего размалеванного приятеля.

Голос его звучал негромко, но была в нем такая ледяная душу решимость, что по Ириной спине побежали мурашки, а на окровавленном Виталином лице появилось растерянное выражение.

Все застыли, меряя друг друга взглядами. Вдруг разбитые в лепешку губы Витали дрогнули и раздвинулись в подобии улыбки:

– Да ну... Да вы чо, мужики? Из-за бабы – на мокруху? Ладно, забирайте девку, черт с ней. Она не наша, мы ей ничего не сделали.

– Как не сделали? – вылетела вперед Маришка. – А платье? Когда я ее с тобой в машине видела, она была в платье!

– За гвоздик зацепилась, – буркнул Виталя.

– За гвоздик!.. – взвизгнула было Маришка, но Сергей схватил ее за руку и сдержал боевой порыв:

– Ладно, хватит на сегодня. Пусть забирает своего индейца.

Виталя, оскалась от злости, спрятал пистолет в карман и наклонился поднять Змея.

Сергей тоже убрал оружие и, не оглядываясь, пошел к автомобилю, одной рукой убирая со лба взмокшие волосы, а другой поддерживая Павла, который ощутимо прихрамывал.

Петр отступал последним, настороженно оборачиваясь на Виталию и Змея, словно ожидал от них еще каких-то подвохов, и подталкивал Маришку, с лица которой никак не сходило воинственное выражение.

Молча, тяжело дыша, набились в автомобиль. Сергей завел мотор, дал задний ход и ехал так до тех пор, пока распростертый Змей и склонившийся над ним Виталя не скрылись из глаз.

Начал разворачиваться. Дорога была узкая, автомобиль сначала сунулся за обочину задними колесами, потом передними. Всех швыряло друг на друга. Павел болезненно охнул.

– Что, попало? – встревоженно обернулась с переднего сиденья Маришка. – Давайте остановимся, посмотрим, что с ногой. Вдруг перелом?

– Упал, очнулся – гипс... – пробормотал Петр, который сидел рядом с Ириной и деликатно старался держаться от нее подальше, однако это ему не очень удавалось, особенно когда при разворотах их швыряло друг на друга.

– Ох, лучше не надо останавливаться, – морщась и улыбаясь одновременно, попросил Павел. – Нет у меня никакого перелома. К тому же заимка тут недалеко, этот рыжий примат вполне успеет добежать и вернуться, к примеру, с автоматом. А то и с пулеметом! От таких марзматикиков всего можно ожидать. А у нас всего один ствол.

– Это точно, – кивнул Сергей, выравнивая, наконец, автомобиль. – Зажигалки-автомата, тем более – пулемета у меня нет.

Последовала минута молчания, во время которой Сергей вынул из кармана свой пистолет, спустил курок... из ствола бесшумно выплеснулось пламя и образовало ровный язычок.

– Ой... – пискнула Ирина и вдруг принялась хохотать, как сумасшедшая.

Да и все уже хохотали, не в силах справиться с новыми и новыми приступами смеха, падая друг на друга от толчков и обессиленно постанывая.

При очередном повороте дороги Ирину просто-таки забросило Петру на колени, что вызвало новый обвал хохота. В это мгновение Маришка оглянулась, и ее зеленые глаза встретились с залитыми слезами смеха глазами Ирины. Тотчас Маришка отвернулась, и в кабине снова воцарилось безмятежное веселье.

Однако теперь смеялись все, кроме Ирины. Впрочем, поскольку именно в эту минуту растянулась Маришкина булавка, это было вполне объяснимо.

* * *

Прошлое

Ветер пронесся по вершинам деревьев и стряхнул на землю последние капли, оставшиеся от недавнего дождя. Они угодили в макушку человеку, который стоял, прислонившись к стволу. Он стоял здесь так давно и неподвижно, что словно бы слился с деревом и был совершенно невидим со стороны.

Хрипло выругавшись, он выскочил из-под дерева, сильно потер макушку и посмотрел на часы. Нет, так не договаривались!

Достал из кармана телефон, набрал номер.

– Алло?

Это округлое слово в устах ответившего было острым, как нож.

– Это я.

– Ну и в чем дело? Чего ты тянешь?!

– Она еще не спит, свет горит на кухне.

– Может, ушла, а свет погасить забыла?

– Ну куда она уйдет? Она ведь даже из ментовки вернулась домой.

– Вернулась, а потом смылась, зараза!

– Дверь подъезда у меня перед глазами. Никакая собака не выходила.

– Точно? Она ведь хитрая тварь, я ее знаю!

– Да ты видел ее полторы минуты, – буркнул звонивший.

– Этого мне на всю жизнь хватило. Никогда ее не забуду!

Эти слова прозвучали как смертный приговор. Впрочем, они и были смертным приговором.

– Да что, мне в дверь ломиться? – переминаясь с ноги на ногу, проворчал звонивший. – Ты знаешь, на сколько замков она заперлась? И соседи ее все сейчас на стреме. И ментовозки тут шныряют мимо дома.

В трубке царило молчание.

– Блин, отключилось, что ли? – с досадой пробормотал звонивший. – Эй, ты где?

– Я здесь, – отозвалось совсем рядом, а в шею воткнулось что-то ледяное, круглое.

Звонивший скрежетнул зубами:

– Псих! Ты здесь?! Убери ствол, больно.

Его послушались, но тут же прозвучал приказ:

– Хватит тут стоять. Иди работай! У тебя и ствол, и нож – справишься. Вон там над подъездом труба газа проходит. Очень удобно. Если уж я сиганул оттуда без ущерба для здоровья, ты всяко залезешь. А я подстрахую около дверей.

И он, поколдовав секунды три над замком подъезда, вошел в дом.

Оставшийся разбежался, пружинисто подпрыгнул и ухватился за край бетонного козырька, нависавшего над дверью подъезда. С силой забросил тело на козырек и встал. Желтая труба газоснабжения проходила совсем рядом, однако она не понадобилась. Человек дотянулся до края балкона и через секунду уже перемахивал через перила, стараясь не задеть ящики с цветами.

Он осторожно сунул лезвие своего ножа в щель между косяком и балконной дверью, и вскоре ручка запора мягко повернулась.

Человек разозлился на себя. Надо было рискнуть, не ждать, пока появится Псих и пинком под зад пошлет его делать привычное дело. Сейчас уже все закончил бы и спал спокойно дома.

Он сунул руку под рубашку и достал из подмышечной кобуры пистолет. Снял с предохранителя и утвердил палец на курке.

Дверь с балкона отворилась бесшумно. Он умел делать такие вещи, умел беззвучно втираться в узкую щель и невесомо перемещаться по старым, скрипучим половицам так, чтобы они не издавали ни звука. Сразу отпрянул от окна в сторону, к стене, чтобы его силуэт не вырисовывался на фоне окна, и помедлил, пока глаза снова не привыкли к темноте.

Сигнализация больше не пищала. Человек усмехнулся. Все, что Псих смог сделать в прошлый раз, это в сердцах сорвать проводку, хотя следовало бы обмотать ее вокруг шеи этой твари и покрепче затянуть. Не удалось. Не такой уж он крутой, как изображает. А строит-то из себя!

На диване белела постель. В постели никого. Значит, она все-таки на кухне. Или в ванной.

Он переместился в узенький тамбур, ведущий в кухню, ворвался в тесное помещение, с трудом удержавшись, чтобы не нажать на курок.

Пусто!

Отпрянул в коридорчик, дернул дверь в ванную (в двери зияла россыпь крошечных дырочек).

Пусто!

В прихожую, стукнув кулаком по выключателю, – пусто! Дернул входную дверь – заперта.

Ну-ну...

Теперь, когда он уже обнаружил себя, можно было не таиться. Хозяйка, конечно, забилась в какую-нибудь щель в безумной надежде, что ее ночной гость поудивляется пустоте квартиры и уберется восвояси. А зря надеется! Он найдет ее: в нише, в шкафу, под диваном, под столом – куда бы она ни спряталась в паническом страхе. Если понадобится, он поднимет каждую доску пола!

Обыск был закончен за три минуты. После этого человек с пистолетом остановился посреди комнаты и тупо уставился на пол, словно и впрямь вознамерился поднимать доски.

Похоже, ему оставалось только это: квартира была пуста.

Но почему?! Куда могла деваться хозяйка?

Звонок в дверь прозвучал так внезапно, что ночной гость едва не выронил пистолет. Ринулся к балконной двери – бежать, но тут же понял, что это Псих явился. Убрав оружие, открыл несложный замок.

Псих шагнул в квартиру и прикрыл за собой дверь.

– Значит, смылась? Так я и предполагал. Хочешь что-то сделать хорошо – сделай это сам.

– Слушай, я не понимаю... Она не могла! – забормотал его подельник. – Я не сводил глаз с подъезда, никто не выходил, все ее окна на эту сторону, только во двор, я за ними наблюдал, никто не спускался с балкона, на соседский ей никак не перелезть, далеко, да я бы заметил!

– И все-таки она ушла, – спокойно сказал Псих, держа руки в карманах и покачиваясь с пятки на носок. – Знаешь, как это можно было сделать?

– Чердак! Неужели она вылезла через чердак в другой подъезд?

– Чердак заперт вот на такенный замчище, я проверил. Уйти можно иначе. Спуститься на первый этаж и позвонить в любую квартиру, окна которой смотрят на противоположную сторону. Вылезла в окошко. И вот вам результат.

– Вряд ли! Здесь на первом этаже окна очень высоко. Она бы не рискнула ноги ломать.

– Рискнешь, когда тебе грозит смерть.

– Да ну, брось. Она не сомневается, что это было обычное ограбление, вернее, не состоявшаяся попытка ограбления. Откуда она могла знать, что ты ей заранее подписал приговор?

– Откуда? – Человек помедлил, в упор глядя на своего проштрафившегося напарника. – Ну, может, она прочла это в моих глазах. Как читаешь ты.

Последнюю фразу его собеседник уже вряд ли услышал, потому что к моменту, как она была произнесена, в его лбу образовалась круглая аккуратная дырочка.

Выстрелом его отбросило на диван, и он теперь лежал головой на белой подушке, свесив ноги, с выражением тупого изумления на одутловатом лице с синеватой щетиной на щеках.

Псих сунул в карман пистолет. На это ему потребовалось куда больше времени, чем выхватить его.

Затем он огляделся и напрямик шагнул к креслу, на которое были аккуратной стопкой сложены большой мягкий плед и несколько разнокалиберных подушек, украшавших диван днем, когда постель была убрана. Псих хватал каждую, крепко стискивал и подносил к уху, словно ожидал услышать какой-то звук. Так иногда выбирают арбузы на рынке: сжимая их изо всех сил и прислушиваясь, не захрустит ли. Захрустит – значит, спелый. Но ни одна подушка не была арбузом, может быть, поэтому они и не захрустели.

Лицо Психа, бывшее доселе подчеркнуто спокойным, помрачнело. Он огляделся в поисках других подушек, одну даже выдернул из-под головы мертвеца, но та оказалась мягчайшая, как пух, которым была набита.

Машинально он приподнял убитого и снова уложил его простреленную голову на подушку. И уже по второму разу начал исследовать остальные.

Наконец его внимание привлекла одна, самая маленькая. На суровом полотне наволочки были вышиты васильки и маки, среди которых затесалась ромашка с полуоборванными лепестками. Вышивка была сделана давно: мулине изрядно выгорело, как выгорают цветы в засуху. Да и суровая ткань поблекла. А вот серые нитки, которыми была зашита наволочка, казались на этом фоне очень яркими. Тем более что стежки были крупные, небрежные, в то время как остальные зашивали мелко, аккуратно, почти не заметно...

Псих хмуро посмотрел на нитки, а потом подцепил стежок ногтем и рванул с такой силой, что шов лопнул. И стало понятно, почему подушка плоская, будто безжизненная: в ней лежало старенькое, застиранное до дыр полотенце, свернутое несколько раз.

Псих стоял, держа чехол и полотенце. Он был неподвижен, только руки сильно тряслись. Наконец он отшвырнул тряпье, снова вырвал из кармана пистолет и несколько раз выстрелил в человека с простреленным лбом.

Тело подскочило на мягком диване.

Да, это глупо, стрелять в убитого. Но тогда оставалось бы стрелять только в себя, ведь он сам во всем виноват, если быть честным.

Сам виноват. Сам упустил удачу – громадную, фантастическую удачу, которая совершенно случайно пошла вдруг в руки!

Ну где она? Где ее теперь искать? Неизвестно, зачем ей то, что она вытащила из подушки, ведь она ни о чем не подозревает! Или... подозревает? Она оказалась хитра, очень хитра, Псих

сам мог в этом убедиться. Она не только угадала его замыслы, но и сбежала, хотя это было, казалось, невозможно. Почему бы ей не додуматься и до главного?!

Но теперь надо уходить. Делать здесь больше нечего.

Псих спустился на первый этаж, открыл дверь на улицу – и едва успел отпрянуть, когда опасное синее мигание озарило темный двор.

Полиция! Почему? Что случилось? Кто-то услышал выстрелы? Или за ее квартирой еще с вечера следили? Но почему, ведь это выглядело как простое ограбление, вернее, его попытка?! А может, они не сюда?

Автомобиль затормозил рядом. Сюда!..

Убийца вжался в стену – и едва удержал равновесие, когда одна нога вдруг скользнула куда-то вниз.

Черт! Какая-то лестница?

Да ведь это лестница в подвал, где жильцы хранят гнилую картошку и всякую старую рухлядь. Вот бы куда шмыгнуть! Но дверь заперта, конечно, на такой же амбарный замок, как и чердачная дверь.

Пальцы ощутили засов. Нет. Он отодвинут. Замка нет. Дверь что – открыта, что ли?

Открыта...

У Психа пересохло в горле. Мысли, смешавшиеся от страха, вновь обрели ясность.

Вот куда она подевалась, эта девка. Почуяла опасность неким звериным нюхом, который просыпается у людей в предсмертные минуты, выскользнула из квартиры, может, за мгновение до того, как они с напарником проникли туда, и спряталась в подвале, в одной из ячеек, провонявших прошлогодней проросшей картошкой и прелым луком.

Какой там номер ее квартиры? Пять? Можно не сомневаться, что, подойдя к дощатой двери с цифрой пять, он найдет эту уродину там: за грудой каких-нибудь пыльных мешков, трясущуюся от страха.

Его уже не беспокоило, что наверху полиция, что они будут искать убийцу того человека, который валяется в квартире на втором этаже. Он точно знал, что все обойдется. Главное, что верный друг, счастливый случай, не покинул его, вывел к подвалу, где спряталась эта хитрая дура!

Псих снова вынул пистолет и осторожно вошел в подвал.

* * *

– Я сейчас лопну, – прошептала Ирина, когда сидевший рядом Петр начал подкладывать картошку в ее тарелку.

Сто лет не ела такой вкуснотищи! Вообще она ела мало, но сегодня вечером... с перепугу, что ли? Говорят, стресс повышает аппетит.

Что характерно, вокруг сидели одни сплошные подтверждения этого утверждения: принесенная Маришкой сковородка полуметрового диаметра была уже вторая, первую, такую же, они благополучно усидели под малосольные огурчики, копченое сало и селедочку. Может, конечно, дело было вовсе не в стрессе, а в необыкновенного вкуса наливочке, которую подавала баба Ксения?

– А все-таки странно... – Павел задумчиво взял огурец, словно забыв, что рядом с его тарелкой уже лежит один, едва надкусанный. – Деревня староверская, а вы никак не протестуете против такого соседства, как эти бандюганы!

– Да какие мы староверы? – удивилась бабка Ксения. – Это небось на Керженце еще сохранились деревни, где скопцы держат старую веру, а у нас тут испокон бегуны, вечные странники¹, приют находили. Теперь один дед Никишка остался, да и ему уже не до скита.

– А что, веру переменял? Или больной? – полюбопытствовал Сергей, загребушей рукой подцепляя сразу два ломтя сала и с невинной улыбкой покрывая ими огромную скибку хлеба.

– Не больной, а просто старый. Ему небось сто лет уже, да, баба Ксения? – вмешалась Маришка, вошедшая из кухни с очередной горой хлеба.

– Может, и больше, – кивнула та. – Он не курит, не пьет, от веку праведничает, так и все двести проживет на своих травках. Знатный травознай!

– Травознай?! – оживился Павел. – О, мне к нему!

– Вы что, аптекарь? – удивился Петр.

– Нет, я винодел. Знаете фирму «Заливаевы и Ко»? Я там работаю технологом. Хотим возродить производство наливок и настоек по народным рецептам. Вот это, что мы пьем, – Павел щелкнул ногтем по рюмке, – это ведь настоящий шедевр! На чем она настояща?

– Липовку вы пьете, липовничек, – улыбнулась бабуля. – Моя любимая, дед Никишка научил ставить. Вот к нему и иди за рецептами травяных зелий. Он даром что сам не пьет – тебе много чего порасскажет. А уж сказок знает, баек!..

– Сказок? – Сергей чуть не подавился своим колоссальным бутербродом. – Баян?! О, тогда мне к нему. Я ведь фольклорист, пишу докторскую диссертацию по народному творчеству староверов. И как раз фольклора бегунов у меня практически ничего нет.

– Фольклорист? – ошеломленно перепросил Петр. – Ё-ка-лэ-мэ-нэ...

– Эй ты, потише! – грозно рявкнула Маришка. – Петьке больше не наливайте.

В Петровых глазах всплеснулось зеленое пламя, но он ничего не сказал молодой хозяйке, а подчеркнуто повернулся к Ирине:

– Еще картошечки? Со дна, поподжаристей? А?

– Ой, нет, – слабо пискнула она, выставляя ладонь. – Я и так уже со стула не встану.

– Ничего страшного, – галантно сказал Петр. – Донесем на руках куда прикажете. Хоть на край света.

– Да он здесь и есть, край света, ты что, не знал? – проворчала Маришка. – Самый краешек...

– Да, глуховатое местечко, – согласился Сергей, наливая в Маришкину рюмку знаменитой липовки, но не забывая и остальных. – Неужто вы, Мариша, тут всегда живете? Работаете, наверное, в Арени? Но ведь это довольно далеко, на чем же вы добираетесь?

– Да нет, я вообще-то из Нижнего, просто приехала бабулю навестить, на огороде помочь, – ласково улыбнулась ему Маришка. – Тут не больно-то в Арень наездишься, автобусы не ходят уж бог знает сколько времени. Который год уговариваю бабулю хоть на зиму в город перебраться, да разве ее сдвинешь с места? Они зимой тут знаете как живут? Дороги все заметены, Осьмаки полностью отрезаны от мира. Когда завьюжит, поутру первым делом прокапывают от дверей дорожки к калиткам. Чтобы дать знать остальным: жива, мол, я, жива пока еще. Сотовые телефоны тут не работают, сети нет. Жуть истинная!

– Подумаешь, нашла жуть! – отмахнулась бабка Ксения. – Зато в своем дому, а не в прижи-валках. И не больно-то мы скучаем. Соберемся с девушками-бабушками, напоемся и напьемся, а потом дед Никишка нас по избам провожает. Сперва он нас, потом мы его. Ночи после бур-нов светлые, лунные, все аж звенит вокруг. Красотища!

– Так я не понял: этот старик один живет? – уточнил Павел.

¹ Бегуны – одно из течений русского раскола. Изначально бегуны отрицали всякую связь с гражданской властью и избегали любых гражданских повинностей, предпочитая сняться с места и уйти в другие края, исповедуя свою веру и сохраняя приверженность основам раскола, а прежде всего – беспоповщине. Из-за этого их еще называли вечными странниками.

– Теперь один. Раньше – это еще до войны, мамонька моя рассказывала, приобрел он сюда и к бобылке Серафиме подселился. Она тоже была староверка, вот они и сошлись. Потом Серафима померла, а дед Никифор Иваныч в ее избе так и прижился. Старый он, слабый совсем. Иной раз как обомрет – вроде совсем преставился. А потом глядишь – отойдет, и опять не хуже молодого.

Ужин продолжался, но наконец все почувствовали, что рты больше не открываются, а глаза слипаются. Настала пора расходиться по избам, куда определились на ночлег.

– Да куда вы пойдете в такую позднотищу? – сладко потянулась Маришка, и сарафан туго натянулся на ее спелой груди. – Ложитесь вон вповалку на сеновале. Там хорошо, дух сладкий от сена идет, живой. Сны хорошие снятся...

– Ой, нет, идите, сыночки, – засмеялась баба Ксения. – Не то меня Вера с Ольгуней поедом съедят. В кои-то веки на постой к ним кто-то встал, да и те сначала ужинать на сторону пошли, теперь еще и ночевать не придут. Им, бабулькам, тоже небось скучно, хочется живого голоса. А ты, Петенька, у меня останешься по старой памяти.

– Баб, ты что, забыла: у нас же Ира ночует, – недобрым голосом сказала Маришка. – Места больше нет. А Петра дед Никифор к себе звал.

– Да он уже небось десятый сон видит, тот дед Никифор, – отмахнулась хозяйка. – А Петенька на сеновал пойдет, правда, голубочек? Ну, гости дорогие...

Все начали дружно подниматься из-за стола.

– Завтра увидимся? – тихо спросил Павел, наклоняясь к Ирине.

– Конечно, – смущенно кивнула она. – Здесь мудрено не увидиться. Тем более мне тоже нужно к этому деду Никифору. Если кто и поможет найти старые книги, так это только он. Вы представляете? Этот дурацкий Виталя сказал, что в подвале скита была целая гора старых книг и они все пожгли. Вот варварство, да?

– Вандализм! – возмутился Павел.

– Что вы говорите? – Это Сергей услышал их разговор. – Сожгли старые книги?! Невозможно, невозможно поверить... Но, может быть, хоть что-то осталось? Хоть что-нибудь! Как бы попасть в этот скит, поискать?

– Ради бога! – обеими руками схватилась за него Маришка. – Не вздумайте! Еще неизвестно, чего нам сегодня ночью от этого Витали ожидать, а вы опять голову волку в зубы сунуть хотите.

– Да уж, с вашим личным оружием супротив Витали делать нечего, – подал ехидную реплику Петр. – Я все хотел спросить: вы же вроде не курите, зачем с собой такую зажигалочку интересную таскаете?

– Таких дураков пугать, как ты и Виталя, – огрызнулась Марина. – Пойдемте, Сережа, я вас до калитки провожу.

И, подхватив молодого человека под руку, вывела его на крыльцо.

– Я готов помочь со стола убрать, – робко предложил Павел. – Я очень люблю мыть посуду. А потом мы с вами, Ира, может, немножко прогу...

– Посуда – дело бабье, – буркнул Петр, протягивая ему руку на прощание и очень ловко вытесняя из горницы. – И не до прогулок, поздно уже, спать пора.

– Ира! – крикнул Павел, высовываясь из-за его крутого плеча. – Ваши вещи, они пропали, конечно, у этих мерзавцев, так мы можем завтра съездить в Арень, купить вам чего-нибудь. Денег у меня достаточно, вы не беспокойтесь. И мне все равно надо ехать за продуктами для моей хозяйки, я вас заодно прихвачу. Хорошо?

Последние слова долетали уже из-за дверей.

– А чего ему Маришкино платье не нравится? – удивилась баба Ксения, беря Ирину за руки и поворачивая так и этак. – Красивенькое, веселенькое, оборочки вон какие... разве что великовато малость, ну так подумаешь!

«Платьице» было «великовато» как минимум на четыре размера.

Против окна громко, вызываясь расхохоталась Маришка, и Ирина разглядела ее статную фигуру. Рядом маячил высокий мужчина – Сергей. Он заботливо вел ее по колдобинам улицы, поддерживая под локоток, а Маришка жалась к нему, словно в стужу к печке.

– Ох, дорезвится молодка! – пробормотала баба Ксения, начиная собирать со стола ложки. Ирина с тоской поглядела на стол, заставленный грязной посудой.

Кошмар! Сейчас придется мыть все это. А горячей воды нет. Про «Фэйри» здесь небось и не слыхали, придется по старинке, с хозяйственным мылом. От Маришки помощи не дождешься, она, видимо, отправилась провожать этого долгоязого Сергея не только до калитки, а до самой избы бабы Веры. Потом, конечно, он проводит ее... А что ж, в такую ночь только и провожаться до рассвета. Луна таинственно заглядывает в окно, так и манит. Может, и Ирине следовало выйти проводить Павла – тем более что он именно этого и хотел.

Ирина вспомнила его глаза – светлые, широко расставленные, нос – будто ястребиный клюв, губы – твердые, четкие, которые не смягчались даже улыбкой. Красивый парень. Петр тоже очень симпатичный, с этим его не то диковатым, не то добрым взглядом. Он единственный ничего о себе не рассказал за столом. Кем он работает, интересно? Обветренные щеки, загорелое лицо – наверное, много времени проводит на свежем воздухе.

Впрочем, Сергея с Павлом тоже «белыми воротничками» по виду не назовешь. Они между собой чем-то похожи, общим типом, что ли, хотя у Сергея более худощавое лицо и резкие черты. Недобрый излом бровей, пристальный прищур серых глаз. Странно – откуда это ощущение, будто она его видела раньше? Ну, наверное, и впрямь видела – в библиотеке: все-таки он фольклорист, не мог там не бывать. Правда, она раньше и представить не могла, что бывают такие фольклористы. Они все какие-то тухлые, замороженные, а этот вон как махал руками и ногами в драке...

– Поставь, поставь! – воскликнул кто-то над ухом, и задумавшаяся Ирина от неожиданности чуть не брякнула на пол сковороду с остатками картошки.

– Никак посуду мыть собралась? – возмущенно спросила баба Ксения. – Да ты и так еле на ногах держишься. Иди, иди спать! Зайди в задец² по нужному делу, да и поднимайся в светелку в Маришкину. А она в боковушке ляжет ради такого случая.

– Да не надо, это неудобно, я сама могу в боковушке, – смущенно пробормотала Ирина.

– Нечего, нечего! Гостю честь и место!

У Ирины заплетались ноги и закрывались глаза. Она кое-как нашла этот самый задец, помыла руки под умывальником, висящим на стенке, взобралась по кривой лестничке в мезонин и вошла в комнатенку с покосившимся потолком.

С улицы неся залиvistый Маришкин смех.

«Ох, дорезвится молодка!» – вспомнила Ирина. Хотела выглянуть, но окошко оказалось затянуто марлей от комаров. Луне, однако, марля была не преграда: на полу лежал бледный, дымчатый квадрат, да и вся комната, чудилось, плавает в голубоватом тумане.

Кровать была жутко старомодная – железная, с шишечками на спинке. И до чего узкая! Как только объемистая Маришка на ней помещалась?

Ирина стащила платье и трусики – она всегда спала голой – и забралась под покрывало.

Спать! Боже, какое счастье! Наконец-то кончился этот бесконечный день. Ни о чем не думать, только спать. Завтра надо будет...

Она так и не успела решить, что будет делать завтра: голова ухнула в мягкую бездну подушек, и сон, как лунный свет, озарил ее прекрасное даже в глубокой усталости лицо.

² Старинное название уборной, которую устраивали в задней части крестьянских домов.

* * *

Из старых писем:

«Дорогая мамаша, здравствуйте. Дорогая мамаша, первым делом хочу сказать: если сейчас рядом с вами сидит кто-то из меньших, или тетка Серафима, или соседи, а то еще какие пришьлые люди, вы письмо мое далее не читайте, а примите какой-нибудь вид, что вам невозможно. Как бы заболела голова или схватило сердце, но читать нету сил. Или еще чего-нибудь сотрите. И только если рядом с вами сидит братишка Минька, ему дозвоьте прочитывать, что скажу, потому что без его подмоги дело сие не сделать.

Мамаша и Минька, знайте, что здесь, в госпитале, мне привелось услышать весть о том, как нам, наконец, выбиться в люди из нищеты нашей. Только все это надо сделать ишитокрыто, чтоб ни одна живая душа не проведала, не то плохо нам будет, еще даже хуже, чем теперь.

Слушайте, что надо сделать поначалу. Вы, мамаша, сходите сей же момент на Черный пруд, там за кинотеатром стоят домишки, ни номера, ни квартиры не знаю, но вы спросите, где живет Ася Николаевна Дворецкая с ребятишками. Наврите ей чего хотите, только наведите разговор на письмо, которое пришло ей от мужа из госпиталя. Разузнайте, кровь из носу, тот адрес, по которому она должна была сходить из-за мужниной просьбы. Это должно быть ваше первое и главное дело.

Мамаша, не мне вас учить, как человеку в душу влезть. Вы сами без мыла куда угодно влезете. Если не выведем адреса, по которому ходила Дворецкая, все пропадет пропадом, и очень скоро. Поэтому до Дворецкой отправляйтесь прямо сейчас! Я хотела вообще выбросить письмо ее мужа, чтоб никто даже и намеком не понял, что случилось, однако тогда мы не нашли бы адреса, по которому теперь лежит наше богатство и счастье.

Теперь слушайте самое главное.

У тех людей еще с до революции... (Эта строка зачеркнута.)

Нет, опасаясь. Всяко может быть, еще попадет письмо мое в чужие руки, и лучше мне все вам сообщить с глазу на глаз. Поверьте на слово, сделайте, как прошу, и ни о чем нам в жизни больше печалиться не придется. Помните, как я маленькая девочка была и все играла в барыню, про каких бабушка сказки сказывала? Все хотела такой барыней быть, чтоб в драгоценных камнях и золотых браслетках?..

А теперь немедленно же отправляйтесь к Дворецкой. А потом ждите от меня новых вестей. Глядишь, и выберусь к вам на денек, все сладим, а там... Ну, прощайте на этом. Сделайте же, как прошу.

Дочь ваша Клавдия Кособродова».

* * *

Прошлое

– Везучая вы, однако, девушка, Екатерина Дмитриевна, – покачал головой капитан.

В пятом часу этого туманного, сырого утра у него пролегли тени под глазами, а щеки сделались синеватыми от проклюнувшейся щетины. Он смотрел на Катерину, то шурясь, будто

она отлетела куда-то далеко-далеко, то широко открывая глаза, словно она вдруг надвинулась на него близко-близко. У самой Катерины тоже плыла муть в голове и глаза резало так, словно в них сыпанули песку, однако она старалась держаться перед этим бесконечно усталым человеком. У него выдалось тяжелое дежурство, в отделении народ кишмя кишит, будто белый день в разгаре, и все какие-то криминальные элементы, и с каждым надо разбираться, а тут Катерина Старостина второй раз за ночь! То ее грабить собрались, то обнаружился труп в квартире...

– В самом деле, если бы я не пошла к соседке, они бы меня наверняка застрелили!

– Почему вы думаете, что были какие-то они? – сердито подавляя зевок, спросил капитан. – Не исключено, тот человек сам у вас в квартире застрелился. Вообще, надо еще выяснить, не были ли вы с ним знакомы, может быть, что это ваш отвергнутый поклонник покончил с собой.

– Поклонники у меня, конечно, были, – соврала Катерина с независимым видом. – Однако этого человека я вижу в первый раз, честное слово. А главное, сам он вряд ли мог застрелиться четырьмя выстрелами, не так ли?

Сержант Асипов закашлялся, подавляя смех.

– Да, что и говорить, вовремя вашу соседку прихватило, – пробормотал капитан. – И часто с ней такое бывает?

– Довольно часто, но так сильно, как этой ночью, ни разу не было. Она позвонила, конечно, в «Скорую», но они никак не ехали, а ей становилось все хуже и хуже. И тогда она позвонила мне и попросила зайти и сделать укол. Ну, внутримышечно все умеют делать, это совсем не сложно, а вот внутривенно... – Катерина поежилась. – Я иногда знакомым своим делаю уколы, даже капельницы ставила, а все равно ужасно боялась, руки знаете как тряслись? Но, слава богу, все обошлось. И докторша из «Скорой» потом сказала, что все сделано очень хорошо и своевременно. Но я так с этим уколом перетряслась, что потом, когда началась вся эта суматоха вокруг трупа, даже не очень-то испугалась. До меня как-то только сейчас все это начинает доходить... И как же мне теперь там ночевать, в этой квартире?

Она испуганно огляделась и сгорбилась, обхватив плечи руками.

– А ночевать сегодня и не придется, уже утро, – успокоил ее Асипов. – Днем вам не так страшно будет, а к вечеру вы приберетесь, успокоитесь. Если хотите, я могу вам дать телефон одной женщины, она зарабатывает тем, что убирается в квартирах после всяких таких случаев. У вас еще ничего, только постель сменить да чуть-чуть замыть вокруг дивана, а знаете, бывают какие квартирки? Ого-го! То расчлененка, то вырежут всю семью, то братки начинают выяснять отношения и палят друг в дружку через всю комнату так, что мозги по стенам...

Катерина издала какой-то странный звук и поспешно зажала рот рукой.

– Заткнись, Асипов, – устало сказал капитан. – Главное, что Екатерина Дмитриевна жива, что мы спугнули убийцу. Но куда он мог подеваться, если у входа в подъезд наша машина стояла?

– Через подвал ушел! – быстро сказала Катерина.

– Мы проверили подвал, – обиделся Асипов. – На всех ячейках замки наружные висят, не мог же он сам себя снаружи запереть. А которые без замков, те пустые были. Куда ему деваться? Нет, не было его в подвале!

– Был, – уныло сказала Катерина. – Был! Он меня искал. И первым делом, конечно, сунулся в сарай с цифрой «5» – номером моей квартиры.

– Мы тоже туда заглянули, – кивнул все еще надутый Асипов. – Никого там не было, и замка тоже не было. У вас сараюшка совсем пустая, хоть шаром покати, да еще и стенка проломлена.

– А она, кстати, не моя, – усмехнулась Катерина. – У нас там почему-то все цифры перепутаны, мой сарайчик, например, номер 17. Разве угадаешь, если не знаешь? А в пятом вообще

никто своих вещей не держит, он лишний, ничей, и в стенке не просто пролом, а ход в подвал соседнего подъезда.

– Ход?! – вскрикнули капитан и Асипов.

– Именно так. Когда-то давным-давно подвал затопило, надо было протаскивать помпу, стенку сломали, ну и не заделали, конечно. Теперь вы понимаете, каким образом этот человек скрылся?

Асипов возбужденно кивнул.

– Это-то мы понимаем, – озвучил его движение капитан. – Одного мы так и не смогли понять, Екатерина Дмитриевна, – одного. А именно: за каким чертом он упорно лезет именно в вашу квартиру?

Катерина опустила голову так резко, что уставший за ночь узелок на затылке развалился.

– Не знаю, – сказала она глухо. – Не знаю, и от этого мне еще страшнее.

Капитан и Асипов озадаченно переглянулись. Второй раз за ночь они общались с этой невзрачной особой, но ни разу никому и в голову не пришло, что ей может быть страшно. Гражданка Старостина вела себя совершенно не так, как полагалось бы перепуганной женщине. Она совершала поступки, на их взгляд, бессмысленно рискованные, она пыталась сопротивляться обстоятельствам там, где элементарная осторожность требует подчиняться. И все это, оказывается, делалось от страха?!

– Ну ладно, – сжалился над ней (а может, над собой) капитан. – Давайте на сегодня с этим покончим. Асипов вас отвезет, проверит квартиру.

– Не привыкать! – усмехнулся Асипов. – И мы опять какой-нибудь условный знак установим, правда же, Екатерина Дмитриевна? В прошлый-то раз сигнальчик сработал, это мы на ваши освещенные окошки отреагировали так оперативненько! Вот классно, что преступник сам нам просигналил, верно?

Катерина благодарно улыбнулась ему и опустила глаза. Строго говоря, этот сержант со странной фамилией Асипов спас ей жизнь, а она только что и капитану, и ему соврала. Сказала, будто не знает, что искали в ее квартире.

А ведь она знала...

Но она будет молчать. Она никому ничего не скажет.

Поэтому она снова улыбнулась Асипову и пошла было к двери, как вдруг от стенки послышалось задушенное хрипенье, а потом беленькая коробочка динамика, висевшая рядом с листом календаря, сказала человеческим голосом:

– Оперативная группа, на выезд.

– Какого там еще?... – Асипов закончил предложение шепотом и перегнулся через стол к селектору: – Куда едем? Что случилось?

– На улице Горького, напротив ночного клуба «Гауди», убийство. Какой-то маньяк застрелил двух женщин и скрылся, разумеется. Сосед случайно трупы обнаружил: собака скулить начала, он вышел, а там дверь нараспашку и трупы. Там жили старуха с правнучкой. Девушка убийце, очевидно, отперла, он ее тут же, в прихожей, в упор... А старуху достал уже в комнате – прямо в лоб. Что характерно, в квартире ничего не тронут. Пришел, убил и дальше пошел. Фамилии убитых: Оксана Мальцева и Клавдия Ефимовна Кособродова.

Послышался звук, словно упало что-то тяжелое.

Асипов испуганно обернулся. Капитан растерянно глядел на гражданку Старостину, которая в глубоком обмороке лежала на полу.

– Ничего удивительного, – сочувственно сказал Асипов. – Ей, бедняге, сегодня досталось! Эх, знал бы он...

* * *

Ирина очень удивилась, почувствовав, что проснулась и таращится в полутьму. Что-то ведь разбудило... И это была не луна – ночное светило уже ушло из окна, оставив только бледный туманец за стеклом, как раз достаточный для того, чтобы различить очертания скудной мебелишки – и темную фигуру, застывшую как раз против окна.

Тело сковало страхом. Ирина только и могла, что лежать и беспомощно смотреть, как человек совершает какие-то странные, торопливые телодвижения. И вдруг до нее дошло, что незнакомец... поспешно раздевается!

– Ты здесь, моя сладкая? – выдохнул он едва слышно. – Ждешь?

И, мгновенным движением спустив с бедер плавки, он шагнул вперед и скользнул к Ирине в постель.

Она почувствовала тяжесть раскаленного мужского тела, сильные руки стиснули ей грудь – и от этого бесцеремонного, грубого прикосновения словно пробку вышибли из горла. Ирина взвизгнула, рванулась – и сразу почувствовала себя свободной. Человек отпрянул, отдернул руки, будто обжегся, навис над ней, всматриваясь в лицо.

Ирина, что-то бессвязно лепеча, тоже пыталась его рассмотреть, слишком испуганная, чтобы возмущаться... И вдруг ударило по глазам светом! Она инстинктивно закрыла лицо ладонями.

– А-ах! – громко вскрикнул кто-то неподалеку грудным голосом.

Ирина осторожно приоткрыла веки, но тут же с воплем вытаращила глаза.

Картина, открывшаяся ей, заслуживала того, чтобы смотреть на нее, не отрываясь. Рядом с Ириной на кровати мостился голый Петр, одной рукой прикрывавший лицо от яркого света, а другой тянувший край одеяла на свои нагие чресла. А в дверях стояла...

Боже ты мой! В дверях стояла Маришка и смотрела на кровать остановившимися глазами.

– Ма-ри-ша... – потрясенно пролепетал Петр, переводя взгляд с Ирины, которая тоже старалась прикрыть свою наготу, на ошеломленное лицо молодой хозяйки. – Ты... ты здесь? Ты... пришла? А я думал, ты уже...

– Думал, я уже сплю и никто тебе не мешает в моей постели с другой тискаться? – выдохнула Маришка. – Блудня! Блудня поганый!

Она закрыла лицо руками, сгорбилась, но тут же выпрямилась, пылая возмущением.

В это время между Ириной и Петром шла непрерывная, ожесточенная борьба за обладание одеялом, которое непонятным образом, может, со страху, вдруг уменьшилось в размерах, словно шагреневая кожа. Стоило Ирине натянуть его на себя, как обнажались мускулистые бедра Петра, а если одолевала грубая мужская сила, то все могли наблюдать, как дрожит от страха худое Иринино тело.

– Доска струганая, – с отвращением оценила Маришка ее статью и возмущенно обратилась к Петру: – Занозиться не боишься?

– Мариша! – простонал он, плюнув, наконец, на борьбу за одеяло. Вскочил, стыдливо прикрывшись горстью, метнулся к плавкам, натянул их на себя и, мгновенно почувствовав себя уверенней, ринулся к Маришке.

– Не подходи! – яростно выставила она ладонь. – Потаскун! Охальник! Пошел вон! Чтоб духу твоего здесь не было! Видеть тебя не хочу, чтоб у тебя отсохло все навеки! Чтоб у тебя невестаниха учинилась!

Петр споткнулся на полушаге, замер. Ужас мелькнул на красивом, загорелом лице. Петр собрал свою разбросанную одежду, прижал к груди и шаткой походкой двинулся к двери.

– Ну уж нет! – глумливо подбоченилась Маришка, застыв на пороге. – Как пришел, так и уходи, козлице бродячий. В окошко влез – в окошко и вылезешь. Нечего бабку пугать!

Но, видимо, бабу Ксению уже успели напугать: снизу неслись какие-то странные рыдающие звуки.

– Ну! – недобро прищурилась Маришка. – Лети турманом! И чтоб утром духу твоего в Осьмаках не было!

Петр скрипнул зубами, но больше на Маришку даже не взглянул: подошел к окну, на котором болталась сорванная марля, и бросился всем телом вниз, в темноту, словно в глубокую воду.

Ирина испуганно взвизгнула. Маришка метнулась к окну, и на миг могло показаться, что в ней проснулась человечность, что она решила проверить, не валяется ли Петр под окном с переломанными костями... Однако напрасно было ждать снисхождения от разъяренной воительницы: в окошко полетели забытые Петровы кроссовки и благое пожелание:

– Да чтоб тебе разлететься на все четыре стороны!

Вслед за этим Маришка напористо развернулась к Ирине, и та вжалась в скрипучие пружины своего греховного ложа.

– А ты... ты... Я за халатом пришла в свою же комнату, а тут...

– Да я не виновата! – взвизгнула Ирина. – Я спала, а он...

– Рассказывай! – уничтожающе хохотнула Маришка. – Эх, знала бы, какая ты, не стала бы тебя спасать! Мымра размалеванная! Думаешь, я не видела, как ты в машине голым задом по коленкам Петькиным елозила, как жалась к нему за столом? Не видишь разве – мужик пьяный в сиську, ему все равно, на кого вскочить!

Ирина робко пожала плечами. По ее мнению, Петр был вполне трезв, но возражать она не решилась – да и бесполезно было даже и пытаться прервать поток Маришкиного красноречия.

– Чего вытаращилась? Бесстыжие твои гляделки! Ох, испекла бы я тебе лепешечку во всю щеку, да боюсь, пришибу ненароком. Что, в городе хахалей мало осталось, сюда на промысел приехала? Мотай отсюда, немочь бледная!

Ирина, оглушенная количеством и качеством незаслуженных эпитетов, соскользнула с кровати и ощупью нашарила платье. Словно кнутом, ожгло вдруг мыслью, что станется, если возмущенная Маришка вдруг отнимет у нее свое платье.

Чтобы не дать разошедшейся Брунгильде сосредоточиться, Ирина сгребла босоножки в охапку и ринулась в дверь. Скатилась по кособокой лестничке, пронеслась через горницу, чая лишь одного: не встретиться с бабой Ксеньей. Уж ее-то праведного гнева она не вынесет!

Повезло: баба Ксения громко рыдала за занавеской, на диванчике.

Ирина вывалилась на крыльцо, скатилась по кривеньким ступенечкам и полетела к калитке, но выронила одну босоножку, потом вторую, начала подбирать их – да так и встала, растерянно озираясь, замороженная отнюдь не красотой летней ночи, а внезапно ударившим вопросом: куда идти?

Идти было совершенно некуда.

Стрелки на запястье мягко светились. Ого, половина третьего. Надо где-то затаиться до утра, пересидеть, а потом прошмыгнуть к дому этого местного патриарха, деда Никифора, успеть поговорить с ним, пока злобная Маришка не разнесет по деревне молву о непристойном поведении госты.

А при чем тут вообще она?! Совершенно непонятно, с чего Петра разобрало? Павел бросал на нее за ужином куда более горячие взгляды, скорее, ночью можно было ожидать его визита. Петр же был вежлив, очень любезен, но не более того.

Ирина нахмурилась. Куда все-таки податься?

Как всегда перед рассветом, налетел легкий ветерок, и порыв его принес пряный запах сена.

О, сеновал! Вот где можно отсидеться до утра! Там даже поспать можно. Судя по книгам, это ни с чем не сравнимое наслаждение!

Она повернулась и пошла на запах. Ирина ощупью нащарила дверку огромного сарая, распахнула ее, вошла – и тотчас аромат сена обрушился на нее, словно лавина. Он был плотный, словно даже материальный...

Да он и был материальный! Он имел горячие руки, которые схватили Ирину за плечи, он имел губы, которые сначала восторженно выкрикнули:

– Я знал, что ты придешь! – а потом прильнули к ее губам.

Прошлое

– Ах ты тва-арь... ах, тварю-юга! Поганка, дурища! Что ж ты наделала, а? Что ж ты натворила?..

Оксана вздрогнула и привскочила, суматошно оглядываясь. Ох, она и не заметила, как задремала. Прямо в кресле... А что, уже утро? Нет, на небе едва брезжится, часа четыре, не больше.

Что? Уже четыре часа? А Стаса еще нет? Странно. Не случилось ли чего?

Ее бил озноб с недосыпу и от волнения. Она обхватила себя руками, съежилась, пытается согреться.

– Ах ты дура, убить тебя мало! Тьфу! Тьфу!

Теперь понятно, что ее разбудило. Раненько сегодня началось... Оксана успела к этим причитаниям привыкнуть, но на свежего человека они действуют, конечно, очень сильно. Когда Катерина впервые услышала бабкину брань, увидела, как плюет Клавдия Ивановна в зеркало на свое отражение, так аж побелела вся. С этого все и началось: со старухиных причитаний, Катеринино испуга и Оксаниных объяснений.

– За что она себя так? – спросила тогда Катерина.

– А она не себя, – усмехнулась Оксана. – То есть себя, но не теперешнюю, а ту, которой она была в сорок втором году.

– Что-о?!

– Честное слово. – Оксана захихикала: тогда ей было только смешно. – Это наши семейные призраки: прабабкины военные воспоминания. Я тебе никогда не рассказывала? Она в войну работала на швейной фабрике в каком-то городишке, а там стоял госпиталь. Ну, фабричные девчонки туда ходили письма за раненых писать, ухаживали за ними. В войну же скуотища была смертная, где еще мужика найдешь, кроме как в госпитале? И вот однажды старуха наша случайно услышала разговор двух раненых земляков. Они тоже были здешние, из Нижнего, в смысле, из Горького, как тогда город назывался. Говорили они про какую-то чепуху, а бабке черт знает что почудилось. Знаешь ведь, как в войну жили? Бедность была страшная! Ну и возомнила она, будто речь идет о каком-то кладе. А где, у кого, по какому адресу – неизвестно. Однако адрес этот должна была знать одна женщина. Ну, бабка Клава быстренько отписала своей мамане, как следует поступить: найти эту женщину и выпросить, куда она носила письмо мужа из госпиталя.

Катерина посмотрела на нее непонимающе и зевнула. Конечно, следовало прекратить эту досужую болтовню. Но Оксану словно подталкивало что-то! Все равно им с Каткой тогда было совершенно нечего делать. Та пришла по старой дружбе поставить бабке капельницу. Она, хоть и не была профессиональным медиком, все же изрядно поднаторела в этом деле, ухаживая за своими родителями, на которых зимой, как нанятые, обрушивались всяческие хвори. И никогда не отказывала в помощи ни соседям, ни бывшей однокласснице Оксане Мальцевой.

Вот и сейчас – физраствор в соседней комнате капал себе и капал, время шло, а Оксане хотелось почесать языком. Но о чем говорить? Про мужиков? Но Катерина не любила разговоров про мужиков, что вполне понятно при ее внешности. Вот Оксана и продолжала трепаться про бабу. И правильно делала, как выяснилось вскоре!

– И тут начались сплошные глюки, – продолжала она. – Во-первых, письмо не дошло. То есть дошло, но не скоро, чуть ли не через полгода. Знаешь ведь, как в войну ходила почта! А к тому времени Клава наша умудрилась потерять память.

– Да ладно! – отмахнулась Катерина.

– Клянусь тебе! Ты что, думаешь, только в «Санта-Барбаре» герои память теряют? От сотрясения мозга такое бывает запросто! – воскликнула Оксана. – Тут что произошло? В письме Клавдия не могла сообщить ничего подробно. И решила вырваться с работы буквально на день, на два домой. Думала, быстренько обернется, все шито-крыто будет. Наверное, подмала там какое-нибудь начальство. Не знаю, словом! Села на поезд и через сутки должна была приехать в Горький. А тут самолеты немецкие прорвались и дорогу разбомбили. И Клавдин эшелон попал под эту бомбежку. Народу погибло – море, а она была ранена в голову и осталась лежать под обломками вагона. Узелок с вещами не то пропал, не то сгорел, ее подобрали без всяких документов и отвезли в обычную гражданскую больницу. А когда Клавдия очнулась, выяснилось, что она ни черта о себе не помнит.

Катерина недоверчиво вскинула брови.

Видя интерес к своему рассказу, Оксана совсем разошлась:

– И тут за нее взялся Смерш. Потому что она, гражданская, оказалась в воинском эшелоне. Они же не знали, что Клавдия работала на фабрике военного обмундирования и какие-то знакомства среди военных у нее были. А может, через военных медиков на поезд устроилась, этого она до сих пор толком вспомнить не может.

– Смерш – это что, «Смерть шпионам»? – спросила Катерина.

– Ну да, ее приняли за шпионку и начали мотать по тюрьмам и лагерям. А в это время на фабрике сообщили куда следует, что военнообязанная Кособродова дезертировала.

– Как ты сказала? Кособродова?

– Ну да, это бабкина девичья фамилия. Жуть, правда? – стыдливо хмыкнула Оксана.

У Катерины глаза так и полезли на лоб. Конечно, у нее-то фамилия довольно звучная – Старостина! Впрочем, Оксана тут же вспомнила, что у Катерины только и есть достоинств, что фамилия, и успокоилась.

– Ничего не жуть, – сказала Катерина. – Просто я эту фамилию – Кособродова – уже где-то слышала.

– Ну, наверное, есть и еще страдалыцы-однофамильцы, – фыркнула она. – Короче, прошло чуть не пять лет, пока к старухе нашей не вернулась память. Да и то не полностью. Она вспомнила, кто такая и как ее зовут, откуда родом, вспомнила, как разбомбило эшелон, даже фабрику свою вспомнила, а больше – ничего. И когда ее в 49-м году наконец-то отпустили за полнейшей безвредностью, она вернулась домой, совершенно ничего не помня о разговоре тех двух земляков, о своем письме и о кладе. Мать ее к тому времени умерла, а брат служил в армии. Потом вернулся, начал ее про письмо спрашивать, а у нее в памяти абсолютный нуль. Ну, а жизнь тем временем шла, шла... Прабабка моя, несмотря на то, что пережила бог знает сколько, была еще очень даже ничего. Между прочим, судя по фотографиям, я – вылитая Клавдия в те годы. Так что посмотри на меня – и увидишь, какой она была.

Оксана потянулась так, что все ее стройное тело заманчиво напряглось. Точеное смуглое лицо, великолепные брови, яркие губы, голубые глаза, смоляные гладкие волосы, убранные в строгий узел на затылке...

– Ну, словом, она быстренько нашла мужа – постарше себя и одноногого, но все остальное у него было на месте, как я понимаю. Жизнь шла... Уже я родилась. Потом, десять лет назад,

мои родители и дед с бабушкой погибли в аварии. И на похоронах, это же надо, к прабабке вдруг вернулась память! Про госпиталь, про письмо, про клад. Не представляешь, что было! Натурально после поминок она рысью побежала по тому адресу, где жила та женщина. Это где-то на Черном пруду, возле кинотеатра «Рекорд». Но... поезд уже ушел. Те дома давным-давно снесли, никого и в помине не осталось из старых жильцов. Сколько лет после войны прошло! Потыкалась в адресный стол – тоже облом, никаких Дворецких никто не знает.

– Ну почему, – сказала Катерина. – Я знаю. Например, мой двоюродный дед Владимир Васильевич, тот, что в Питере живет, – он Дворецкий, и все его дети, разумеется. Забавно, правда, что у нас в роду такие «услужательские» фамилии? Дворецкие, Старостины...

– Ага, – рассеянно сказала Оксана, которой было, конечно, наплевать на Катерину и весь ее род. – Бабка тоже нашла каких-то Дворецких, но не тех, которых нужно. А главное, что проку было искать? Поезд, говорю, ушел!

– И что потом?

– Ну, что потом? У бабки снова крыша поехала. Так-то она тихая, но как поглядит в зеркало – видит там не себя, такую развалину, как сейчас, а ту Клавку Кособродову, какой была в 42-м. И начинает себя, в смысле ее, материть почему зря. Это ты слышала еще очень приличные выражения. Не забывай, она ведь лагеря прошла. Иной раз такое завернет – мужики падают. Я так словарь свой пополнила благодаря ей...

– За что ж она себя ругает? Она ж не виновата, что попала под ту бомбежку?

– Да нет, бабка никак не может успокоиться, что по-другому не написала в письме. Более вразумительно. Брат Минька этот, он давно уже помер, он что рассказывал? Дескать, Клавдия просила узнать у Дворецкой адрес тех людей, к которым она ходила с сообщением от мужа. А надо было как написать? Чтобы они выпросили адрес прежней соседки Дворецких, какой-то Анны Ивановны, у которой сына репрессировали!

– А клад был где? – рассеянно спросила Катерина.

– В какой-то черной деревяшке, которую невозможно открыть, не зная секрета. Она была в виде гробика, а хранилась под порогом. Представляешь, гроб под порогом?! Триллер!

Катерина нахмурилась:

– Странно... У тебя не бывает такого ощущения, что с тобой уже когда-то происходило то, что происходит в данный момент? Мне кажется, я все это уже слышала от кого-то. И про гроб под порогом, и про Анну Ивановну, у которой репрессировали сына, и про Клаву, которая писала письмо раненому под его диктовку... Это даже как-то называется, – она пощелкала пальцами, вспоминая, – это ощущение как-то очень красиво называется... Дежавю?

– Привет! – Оксане до смерти надоело сидеть тихо, она вскочила и танцующей походкой прошла по комнате. – Скажешь тоже! «Дежавю» – это такая туалетная вода. Или парфюм? Хотя нет, что я говорю! Это стиль моды. Знаешь, как говорят: от-кутюр, дежавю...

– Сука, уродина! – простонала за стеной бабка, а потом послышался звук пощечины и горькие старческие рыдания.

Оксана усмехнулась. Да, было время, когда и она так на себя злилась, что тоже готова была сесть перед зеркалом и хлестать себя по щекам! Но, по счастью, та самая судьба, которая лишила в 42-м году Клаву Кособродову шанса на главную удачу в жизни, решила возместить убыток ее правнучке, Оксане Мальцевой.

Не пойти ли к бабкину комнате, не успокоить ли старуху? Нет, еще рано. Вот вернется Стас...

В дверь позвонили.

Он! Наконец-то!

* * *

Ирина едва успела что-то возмущенно выдохнуть в жадно приоткрывшиеся мужские губы, как они отпрянули от ее губ. Разжались руки, и возмущенный голос выкрикнул:

– Опять ты?! Да что же это за напасть?!

Ирину так и передернуло:

– Опять я?! Опять ты!

– Зачем ты за мной пошла?

– Я-а?! За тобой пошла? Да ты же сам ко мне на каждом шагу лезешь! Маришка на меня ведро помоев вылила, но ты-то знаешь, что я тебя не завлекала, не звала!

Темнота фыркнула сердито, потопталась, шурша сеном, потом призналась упавшим голосом:

– Знаю.

– Зачем же лез?

– Зачем, зачем! – Петр тяжело пыхтел, словно не зная ответа. – А ты чего сюда пришла? Я спать хочу.

– Ты знаешь, я тоже! – зло призналась Ирина. – Но по твоей милости мне спать негде! Маришка меня взашей выгнала. Не по деревне же ночью шастать, ночлега искать. Вот я и решила тут переждать. И надо же... Опять ты!

– Маришка выгнала? – переспросил он. – Вот здорово!

Похоже, у Петра вдруг коренным образом улучшилось настроение.

Вот же наглый котятра! Он что, рассчитывает продолжить прерванное Маришкой занятие? Прямо здесь, на сеновале?!

– Знаешь что? – сказала Ирина решительно. – Давай сразу расставим все точки над i. Тебе со мной ловить совершенно нечего. Если вздумаешь приставать, я плюну на свою репутацию и подниму такой крик...

– Ага, так тебе и поверят, что ты ко мне на сеновал пришла просто о погоде поговорить! – хмыкнул Петр. – Нет, уж лучше не кричать. Ладно, успокойся, нечего ловить – значит, нечего! Иди вот сюда, ложись, я тут сена взбил целую гору, знаешь, как мягко! А я наверх полезу.

– Да я не вижу ни зги, – с досадой сказала Ирина, слепо шаря в темноте. – Куда идти-то?

– Давай руку.

Она вытянула руки в разные стороны, наудачу. Левую тотчас поймала шершавая ладонь Петра и потянула вниз:

– Вот сюда, ложись.

Ирина бухнулась на колени, засмеявшись от щекочущего прикосновения сухой травы, и в это время огнем ударило по сеновалу – огнем и криком:

– Вот вы где валандаетесь?!

Прижав ладони к глазам, Ирина обреченно подумала, что ее жизнь необычайно горазда на повторы...

Она села, угрюмо сгорбившись, и молча принялась слушать новые и старые упреки, которые обрушила на них с Петром Маришка.

Петр тоже не оправдывался, тоже сидел сгорбившись, обхватив руками голову и раскачиваясь взад-вперед, словно в приступе крайнего отчаяния. А может быть, это только казалось в свете фонаря «летучая мышь», который ходил ходуном в руках разъяренной Маришки.

– Уснуть не могла, – орала она, – пошла воздухом подышать, только спустилась с крыльца – чуть ногу себе гвоздем не пропорол. Гляжу, а это вон что валяется.

Она воздела в воздух что-то несурзное, с ремешками. Ирина вгляделась – и только головой покачала. Да это же ее босоножки, которые она бросила, когда согревалась таежным способом, – да так и забыла. Это же надо, чтобы на всем обширном дворе, в темноте, Маришка наступила именно на них!

Она рухнула лицом в сено, опять не зная, то ли смеяться, то ли плакать от нелепости происходящего и от крайней усталости. Да черт побери! Да неужели так и не удастся поспать нынче ночью?!

– Погоди-ка, – вдруг настороженно проговорил Петр. – Вроде едет кто-то?

– Не заговаривай мне зубы! – визжала Маришка. – А ты чего развалилась, волочайка разукрашенная? Ну-ка, вставай! Мотай отсюда!

– Погоди, говорю! – рявкнул Петр, и Ирина, повернувшись, увидела, что он вскочил и, высоко поднимая ноги в ворохах сена, зашагал к двери, в которую вливался яркий, чуть ли не дневной свет.

Теперь и она расслышала урчание мотора, хлопанье дверей, мужские голоса.

Сердце ухнуло куда-то в желудок, в груди стало пусто и холодно.

Все! Этого надо было ожидать! Виталия и Змей... среди ночи, как самые распоследние разбойники... и никакой надежды, что Маришка снова бросится на ее защиту.

Внезапно глаза залепил поток яркого света и оглушила команда:

– Всем встать, выйти во двор!

В ту же минуту чьи-то руки грубо вздернули Ирину с земли, поволокли. Маришку и Петра тоже вытолкали с сеновала и поставили посреди двора.

На крыльце затопали чьи-то тяжелые шаги; появился широкоплечий парень, который волок бабу Ксению за шиворот ночной рубахи:

– Здесь только старуха!

– Давай ее сюда, – велел тот же командный голос, и баба Ксения, трепыхая рубашонкой, полетела прямо на Ирину, которая еле успела ее подхватить.

– Да что здесь?! – возмущенно вскричали в один голос Петр и Маришка, но из потоков света, источаемых автомобильными фарами, выступила кряжистая фигура и вскинула автомат.

Оба умолкли, словно подавившись, прянули назад. Петр раскинул руки, одной обхватил Маришку, другой – Ирину, к которой жалась дрожащая баба Ксения.

В стайке тревожно взревела корова.

– Да не переживай, мужик, – довольно миролюбиво сказал кряжистый. – Не тронем мы твой гарем. Нам нужен парень с заимки. Скажи, куда вы его спрятали, – и мы отчалим в две минуты.

Если бы не нужно было поддерживать бабу Ксению, Ирина, наверное, опять рухнула бы – на сей раз не от страха, а от ошеломляющего чувства облегчения.

– Какой парень? – осторожно спросил Петр. – С чего ты взял, что он здесь?

– С того, что видели, как он чесал в деревню, – все с тем же миролюбием пояснил незнакомец. – Мы буквально по его следу гнали, но на самом подъезде он вильнул куда-то вбок и ушел. А ваш дом, ты понимаешь, крайний. Конечно, нет никаких проблем тут все наизнанку вывернуть, но зачем тратить время зря? К тому же у меня приказ однозначный: очистить заимку, о деревне слова не было сказано. Однако если ты думаешь, что я не перетряхну тут все сверху донизу, коль будет нужно, то ты полный дурак.

Было что-то жуткое в его словоохотливости. У Ирины снова стало пусто в груди, от страха ее даже затошнило.

– Да здесь правда нет никого! – выкрикнула она осипшим голосом. – Ни Змея, ни Витали!

– Ого, какая информированная девочка, – повернул к ней фонарь кряжистый. – Змей – это такой длинный, раскрашенный? В самом деле, очень похож на гада ползучего. Зачем же ты

прикрываешь такую пакость? Скажи, где он, – и дело с концом. Потому что если мы начнем спрашивать серьезно...

– Между прочим, уже достаточно светло, – послышался вдруг спокойный голос. – Так что вполне можете погасить ваши фонари-фонарики.

Кряжистый обернулся, будто от удара в спину, и едва жгучий луч оторвался от глаз Ирины, как она сообразила, что и впрямь – уже занимается рассвет. На сеновале-то было, конечно, темно, а на улице ощутимо брезжило, и отчетливо можно было разглядеть мощный автомобиль, протаранивший забор палисада, и горстку вооруженных парней около, одетых в черное. Будто стая воронья опустилась вдруг на деревенскую улицу! Разглядела Ирина и кряжистого парня с тяжелой челюстью, который только что держал на прицеле женщин и Петра, а теперь настороженно следил стволом за каждым движением высокой мужской фигуры, неспешно приближавшейся к дому.

Это был Сергей.

– Стоять!

Придя в себя от удивления, один из ночных гостей шагнул вперед, вскидывая пистолет, но Сергей ловким движением обогнул его и, прыжком махнув через забор палисада, приблизился к кряжистому, дружески протягивая руку:

– Здорово, тезка. Ты что тут делаешь ни свет ни заря? Зачем людей пугаешь?

Лица кряжистого Ирине не было видно, однако и по его спине можно было понять, что человек впал в крайнюю степень ступора. Он даже автомат опустил и теперь стоял как каменный, только выдыхал ошеломленно:

– То... то...

– Толмачев, он самый, – кивнул Сергей. – Ну, очнись!

– Ста... ста...

– Старый друг, факт! – засмеялся Сергей. – Что, так и не подашь руку?

Кряжистый очнулся, неловко перехватил автомат левой рукой, а правой стиснул руку Сергея.

– Ну, я рад, – пробормотал он. – Сколько лет, То...

– Зови меня просто тезка, – весело сказал Сергей. – А я – тебя. Как раньше. Помнишь?

«Тезка» продолжал мять его руку, громко дыша от полноты чувств.

– Так что ты здесь делаешь? – приветливо спросил Сергей. – Ух, какие у тебя гвардейцы! Делите сферы влияния?

– Да нет, у меня... мне... – начал было заикаться кряжистый, но наконец-то отцепился от Сергея и настороженно спросил: – Ты здесь один?

– Да нет, с товарищами, – беспечно отозвался тот, кивая в сторону Петра.

«Тезка» обернулся, ожег мгновенным взглядом Петра и прильнувших к нему женщин, кивнул угрюмо:

– Понял. И что теперь будет?

– А ничего, – пожал плечами Сергей. – Разлетимся, как в море пароходы.

«Пароходы ведь вроде не летают?» – удивилась Ирина.

– Разлетимся? – напряженно повторил «тезка». – Точно?

– Ну, такая жизнь! – пожал плечами Сергей. – А что, ты хотел посидеть, поболтать, вспомнить былые годы? Увы, не располагаю временем. Да и ты, как я понял, спешишь покинуть место действия?

– Я не могу! У меня приказ пощекотать парочку тел и очистить... – В голосе «тезки» внезапно прорвалась нотка отчаяния, но тотчас он махнул рукой: – Хотя приказ вроде бы выполнили: скит очистили... Ладно, черт с тобой. Не думай, что забываю старых знакомых и старые долги. Но теперь, теперь-то мы квиты?

– Квиты, успокойся, – кивнул Сергей. – Все, чего я прошу, это чтобы ты уехал и не возвращался. А что будешь делать дальше – твое личное дело.

– Тогда пока? – «Тезка» снова протянул ему руку, и Сергей крепко пожал ее:

– Пока. До новых встреч?

– Нет уж, с меня хватит!

«Тезка» ринулся вперед, к машине:

– Отбой, ребята! Всё, уходим!

Черные вороны недоверчиво поглядывали на своего предводителя, но не спорили: погрузились в автомобиль. Тот взревел мотором и ринулся вперед, к выезду из села.

Корова громко мычала, словно трубила вслед отступившему врагу.

– Внучоночек! – Бабка Ксения выпорхнула из-под Ириной руки и повисла на шее у Сергея. – Да какой же ты герой оказался! Какой молодец!

– Ге-рой? – негромко спросил кто-то из-за спины Ирины, и она обернулась, как ужаленная.

Павел! В отличие от Сергея, который выглядел так, словно и не ложился, Павел был босиком, в одних шортах. Плечи широченные: когда в рубашке, даже и не скажешь, что он столь атлетически сложен, – лицо хищное, волосы взъерошены. В руках двустволка, палец окаменел на курках. Глаз не оторвать!

Однако насмешливый голос Сергея мгновенно разрушил очарование:

– Павел, где вы откопали такой антиквариат? Это же «тулка» образца, не соврать, начала века. Хотя... – Он подошел вплотную к Павлу, как бы не замечая, что оба ствола уперлись ему в грудь. – Да ведь это дважды антиквариат. Черт побери, какая великолепная имитация! Она же деревянная! Она же из дерева выточенная!

– Это тебе Ольгуша ее дала? – обратилась к Павлу баба Ксения, на диво быстро пришедшая в себя. – Ну, так и есть. Ее мужик покойный всю жизнь резкой дерева баловался.

– Очень красиво, – кивнул Сергей. – Просто потрясюще. Но ведь это просто палка. Если кто тут из нас герой, так это Павел: с палкой против автоматов броситься!

– Во-первых, когда надо, и палка выстрелить может, не только ваша зажигалочка, – огрызнулся взъерошенный Павел, плечи которого от утреннего ветерка покрылись пупырышками гусиной кожи. – А во-вторых, вы нам тут зубы не заговаривайте, уважаемый фольклорист!

– А что, я действительно знаю много заговоров против зубной боли, – хохотнул Сергей и вдруг завел причетом, да таким тонким, надтреснутым, что Ирина невольно повела глазами, высматривая, не бормочет ли рядом какая старушка-знахарка: – На море, на Окияне, на острове Буяне стоит Дуб Дубович, на нем сидит Ворон Воронович, держит во рту ларец, в том ларце зубная скорбь...

– Оставьте! – Павел вскинул стволы своего бутафорского ружьишка так угрожающе, словно это и впрямь было грозное оружие. – Немедленно объясните, что значила вся эта сцена. Что у вас общего с этими типами? Вы что, думаете, никто ничего не понял? Мы угодили в эпицентр какой-то крупной мафиозной разборки. В таких случаях вокруг только клочки идут по закоулочкам, эти негодяи никого не щадят, оставляют за собой горы трупов. И вдруг они отказываются выполнить приказ, уезжают восвояси по одному вашему слову, будто по взмаху волшебной палочки. Как это можно объяснить? Это, знаете ли, наводит на определенные размышления...

– Наводит, – согласился Сергей. – Например, на такие, что вы неважно знаете преступный мир. Убивают всех без разбора только изошренно жестокие люди, маньяки. Стреляют ни с того ни сего только психи! А Бридзе я сто лет знаю. Мы в одном дворе жили и учились в одном классе, в восьмой школе. Я слышал, что он пошел по кривой дорожке, и узнал его с первого взгляда. Ему потребовалось немного больше времени, но, как вы могли видеть, он меня тоже

узнал, наконец, и понял, что глупо бороться со старым другом. Особенно если кое-чем ему обязан.

– Чем же, интересно знать, вам обязан этот Бридзе? – подозрительно спросил Павел. – Прятали его от погони? Или краденое хранили в своем подвале?

– У вас, Павел, явный стресс, – дружелюбно сказал Сергей. – Вы сами не понимаете, чего несете. Я же говорю – мы старинные знакомые. Я когда-то тезку спас. Его затащило в глубокий омут, он уже с ручками и ножками ушел, а я... Понятно, что он по жизни чувствует себя обязанным мне.

– Бридзе, говорите? – прервал его излияния Павел, который все еще не опустил «ружья» и смотрел на Сергея недоверчиво. – Не похож он что-то на грузина...

– А он никакой и не грузин. Какие-то очень далекие предки по отцу – возможно. Но с тех времен только фамилия сохранилась.

– Да хватит вам, чего пристали к человеку, – нетвердым голосом заговорила, наконец, Маришка. – Главное, что все спаслись. Отделались легким испугом. Неизвестно, каких бы они тут дел натворили, если б не Сергей. Запросто сожгли бы деревню, как фашисты, чтоб выкурить этого Змея.

– Типун тебе на язык! – всплеснула руками баба Ксения, негодуя уставившись на внука. – Куда нам тогда?! Тут хоть развалины, да свои, родимые!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.